

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Для того, чтобы можно было хорошо жить в этом мире, надо понимать его нереальность».

Толстой Лев, 72 года, 1900 г.

Начало двадцатого века. Весело, задорно в столицах. Знать гуляет, богема творит, рабочие зарождаются. Капитализм поднимает голову. Спекуляции на биржах. Ананасы в шампанском. Все хорошо. Витрина. А за ней...

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Распутин
Николай II
Алексей, наследник
Троцкий
Ленин
Юсупов
Керенский
Столыпин
Горький
Савинков
Савва Морозов
Андреева
Гапон
Константин, вел. кн.
Кшесинская
Немцы
Англичане

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Ресторан. Вечер. После театра публика, разгоряченная буфетами и талантами актрис, продолжает гулять тут. Входит Р а с п у т и н . В кафтане, бороде и взгляде. Видит Ф е л и к с а Ю с у п о в а .

Р а с п у т и н . Вот ты, шельма! Опять акции уронил, и я банкирам задолжал.

Ю с у п о в . Ты России задолжал, пьяный идиот.

Р а с п у т и н *(оглядываясь на музыкантов)*. А назло тебе, козлу, я вам Ленина рожу.

Пляшет, раскинув руки. Музыканты мнутяся.

Р а с п у т и н . Играйте!

Музыканты начинают играть. Какофония. Юсупов кидается на Распутина, душит. Все смеются.

К е р е н с к и й . Ну полно вам, господа. Едва начали дела проворачивать, Думу завели, биржи,

банки вздохнули, а вы! Ну право. *(Вытирает руку салфеткой.)*

Ю с у п о в . Утоплю его все равно.

Р а с п у т и н . Революция будет, увидишь.

Ю с у п о в . Ты идиот.

Р а с п у т и н . А ты дурак, все дворцы твои отберут, ты уедешь, убежишь отсюда.

Ю с у п о в . Убью!

Гонится за Распутиным. Распутин прячется на кухне.

К е р е н с к и й . А мы тут между прошлым и позапрошлым застряли. *(Показывает на дуэлянтов.)*

Остальные озабоченно переглядываются.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Капри. За столом Савва Морозов, Горький, Мария Андреева, Ленин, Троцкий. Обедают.

М о р о з о в . Может, еще вина?

А н д р е е в а . А не хватит вам уже?

М о р о з о в . Так я вам хотел.

Г о р ь к и й . Давай еще возьмем, вон революционеры приуныли совсем.

Л е н и н . Ничего подобного, мы веселые и бодрые. Скажи им, Троцкий.

Т р о ц к и й . Да, а если денег дадите, тогда веселю нашему не будет конца.

А н д р е е в а . Даст. *(Обращаясь к Морозову.)* Дашь?

М о р о з о в . Почему не дать, дам. Вон они какие молодцы.

Л е н и н . Спляшешь тогда, Лев Давыдович?

Т р о ц к и й *(смущенно)*. Я не умею.

Л е н и н . Пляши, я говорю!

Троцкий встает и начинает неуверенно выделывать коленца.

Л е н и н *(хлопает)*. Давай еще, еще быстрее!
Т р о ц к и й , запыхавшись, садится. Все смеются.
Г о р ь к и й . Хороший ты, Давыдыч, человек.
И идейный, и злой. Жаль, что еврей.
Т р о ц к и й . Я добрый, я не злой.
Г о р ь к и й . Я знаю твою доброту. *(Шурится на солнце.)*

Андреева встает и уводит Савву.

Г о р ь к и й *(им вслед)*. Вот сука!
Л е н и н *(смеется)*. Кто?
Г о р ь к и й . Да все вы.

Встает, опрокидывая стул, и уходит.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Квартира. Такие бывают для встреч. С т о л ы п и н разговаривает с Георгием Гапоном.

С т о л ы п и н . Георгий, твоя задача показать толпу — и всё. Понял?

Г а п о н . Я страдалец за рабочих. Ты просишь чего у меня? Что дашь мне?

С т о л ы п и н . Экий ты остолоп, Георгий. Я даю тебе деньги на твои приюты и столовые. Ты выводишь людей на улицы. Зачем — тебя не касается. Это понятно?

Г а п о н . Душа моя! Яснее некуда. Ты не сомневайся, всё будет в лучшем виде. *(Видит графин в бутылке.)* Можно мне наливочки?

С т о л ы п и н . Пей и пошел вон.

Г а п о н *(встает, идет к буфету, открывает, наливает, пьет)*. Премного благодарен. *(Уходит.)*

Столыпин сидит в кресле, смотрит на рюмку, оставленную Гапоном. Потом встает и закрывает дверцу буфета. Качается на каблуках, кашляет, потирает ладони, идет к окну.

С т о л ы п и н . Весна.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Посольство Германии. Двое. Сидят у камина. Им подают напитки. Один худой, невысокий, лысый. Второй блондин, слегка полноват. П е р в ы й выглядит моложе, в т о р о й кажется старшим по званию.

П е р в ы й . Итак, мы, как всегда, в тупике. Кому помогать? Кому мешать?

В т о р о й . Мне один человек недавно рассказал, что есть около здешней тайной полиции человек, ищущий контактов с такими вот, как мы.

П е р в ы й . А мы какие?

В т о р о й . Мы иностранцы. *(Улыбается.)*

П е р в ы й . А, понятно.

В т о р о й . Так вот о чем я подумал: нам, наверное, не стоит сейчас сильно активничать. Пусть британцы играют первым номером.

П е р в ы й . Я вас понял. Будем наблюдать.

В т о р о й . Внимательно.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Британское посольство. Двое сидят у камина. Один и второй, как два брата-близнеца, похожи. Невысокие, круглые, гладко выбриты, глаза навывкате. Курят сигары и пьют виски.

П е р в ы й . Чудовищная погода.

В т о р о й . Такой город.

П е р в ы й . Не кажется ли вам, что немцы стали слишком активны в нашем огороде?

В т о р о й . Кажется.

Первый. Что будем делать?

Второй. Как всегда — шельмовать. Подкинем во дворец пару идей по поводу опасности Германии для устойчивости монархии.

Первый. Что у вас есть?

Второй. Агент охраны.

Первый. Охранки?

Второй. Вы недостаточно погружены, мой друг. Погружайтесь.

Первый. Постараюсь.

Второй. Так вот, он — идеальный кандидат. Он всё сделает, а потом на него всё и повесим.

Первый. Как?

Второй. Дадим наводку премьер-министру, что организуется покушение.

Первый. С размахом работаете.

Второй. Стараемся. *(Звонит в колокольчик.)*

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Где-то во дворце императора Николая II. Царь принимает своего премьер-министра.

Столыпин. Кабинету Вашего Величества нужно больше полицейских функций. Мы переустраиваем не только хозяйственный механизм, мы реформируем всю страну. И на этом пути много глупости, разгильдяйства, саботажа. Отсутствует элементарная дисциплина. Все начинания вязнут в волоките и рутине.

Царь. Вы слишком будоражите общество. Мне постоянно говорят об угрозах, исходящих от вас. Вы наказываете людей. Многие недовольны.

Столыпин. А как иначе заставить их действовать.

Царь. Вы тянете одеяло на себя. Вы же не один. Разве полиция не справляется? Разве департамент не старается? Не выявляет?

С т о л ы п и н . Слабо. Слабо! Дайте мне больше полномочий.

Ц а р ь *(хмурится, недовольно стучит по столу).*
Я подумаю, а пока ступайте.

Столыпин встает, кланяется. Царь смотрит на закрывшуюся за ним дверь. Вздыхает. Подходит к окну. Дергает раму. Пытается открыть. Затем просто смотрит в окно.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Особняк Кшесинской. Вечер. Салон. Томные дамы и строгие кавалеры. У окна стоит хозяйка и разговаривает с неким господином.

Кшесинская. Вот ведь всё пойдет прахом, а я буду всегда.

Господин. Куда это вдруг тебя так понесло, Матильда?

Кшесинская. Мои танцы будят.

Господин. Твои танцы развращают.

Кшесинская. Разврат лучше вашей этой революции.

Господин. Это почему же? Мы пытаемся...

Кшесинская. Вы навязываете, а я просто стелю.

Господин. Ты кажешься умнее, чем есть.

Кшесинская. Это свойство власти.

Господин. А ты власть?

К ш е с и н с к а я (*поеживаясь*). Конечно. И пойдём выпьем чего-нибудь, что-то зябко.

Господин, в котором угадывается Савва Морозов, идет за ней и думает, что Андреева не хуже. А впрочем, ерунда какая. Он машет рукой: я догоню.

СЦЕНА ВТОРАЯ

П а р и ж . Бульвар. Скамейка. Сидят двое и смотрят, как играют в петанк.

Г о р ь к и й . Ты погоди, ты не спеши.

С а в и н к о в . А я и не спешу. Это ты спешишь выгораживать Ленина. И еще удивисься.

Г о р ь к и й . Справедливости не существует, это придумали моралисты, имеющие доход. Те, кто выживает каждый день, не нуждаются в морали.

С а в и н к о в . Как ты заговорил! Раньше, помню, ты был добрее.

Г о р ь к и й . Доброта порочна, только механизм позволяет существовать.

С а в и н к о в . Ну что ж, значит, так тому и быть. А все-таки люди на бульваре чище твоих революционеров, захватчиков власти.

Г о р ь к и й . Не изображай жертву. Ты не жертва, ты запутавшийся в себе хороший человек.

С а в и н к о в . А ты запутавшийся в себе плохой. Нет, плохо распутавшийся хороший человек.

Г о р ь к и й . Красиво говоришь. (*Шурится на солнце.*)

С а в и н к о в . Ты как мартовский кот, но без цели.

Г о р ь к и й . Хватит с меня твоих метафор.

Оба смеются.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Где-то в проходных дворах стоят двое. Рядом, но не напротив. Говорят, не глядя друг на друга. А з е ф и Га п о н .

А з е ф . Так и сказал?

Га п о н . Буквально.

А з е ф . Что собираешься делать?

Га п о н . Дать ему, чего он хочет.

А з е ф . А потом?

Га п о н . А потом либо он убьет меня, либо кто-то убьет его.

А з е ф . Полагаешься на случай?

Га п о н . Считаешь, я слишком самоуверен?

А з е ф . Ты могуч.

Га п о н . Я страдаю за рабочих. Они же как дети, всему верят. Я их пытаюсь защитить.

А з е ф . Знаю-знаю. Когда все будет это?

Га п о н *(пожимает плечами)*. Скоро.

А з е ф . Предупредишь?

Га п о н . А для чего тебе?

А з е ф . Помогу.

Га п о н . Чем?

А з е ф . С народом, маршрутом и вообще с порядком.

Га п о н *(недоверчиво)*. Да?

А з е ф . Не веришь?

Га п о н . Не особо.

А з е ф . И правильно делаешь.

Фигуры растворяются в темноте.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

А з е ф и Савинков бурно спорят, стоя на набережной.

А з е ф . Морозов и Столыпин идут на смену нынешнего режима, власть царя слаба, империя рушится.

Савинков (*морщась*). Очень громко. Есть что-то по существу?

Азеф. Столыпин хочет чрезвычайных полномочий и будет поднимать беспорядки.

Савинков (*озабоченно*). Это точно известно?

Азеф. Абсолютно достоверно. А Морозов обещал финансирование большевикам, а вы же знаете, какие они сволочи.

Савинков. Как-то слишком кучно пошло. Что предлагаешь?

Азеф. Вы же сами говорите — слишком кучно. Предлагаю разряжать. Мораль? Мораль требует жертв.

Савинков. Я подумаю.

Азеф. Не тяните.

Савинков уходит, не оборачиваясь.

СЦЕНА ПЯТАЯ

В комнате наследника Алексея. Царь и Алексей играют в шашки. Там же Распутин.

Николай. Не поддаюсь я. С чего ты взял?

Алексей. Всегда поддаешься, почему сегодня нет.

Николай. Никогда.

Алексей. Да ладно, папа.

Распутин. Убирай Столыпина. Проклянет тебя народ, если оставишь.

Николай. Нигде от вас, радетелей, покоя нет, один за другим против третьего свое пропихивает. Надоели вы мне все одинаково.

Распутин. Уберешь?

Николай. Нет.

Распутин. Ну смотри.

Алексей. Папа, ну походи!

Николай. Прости. *(Делает ход.)*

Распутин. Вот-вот, всегда «прости» — и никаких движений.

Николай. Пошел вон.

Распутин уходит. Алексей смотрит на царя. Царь смотрит на доску.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Дворец Юсупова. Кабинет Юсупова. Входит секретарь.

Секретарь. Тот человек пришел.

Юсупов. Пригласите.

Секретарь открывает двери, входит Азеф.

Азеф. Спасибо, что приняли быстро. Я, собственно, с короткой вестью и вопросом.

Юсупов. Слушаю.

Азеф. Вскоре произойдут два события, а хотелось бы, чтобы произошли три.

Юсупов. Вы меня интригуете.

Азеф. Столыпин рвется к власти, давит на царя, собирается вывести народ на улицу. Распутин, в свою очередь, требует от царя уволить премьера.

Юсупов *(не моргнув глазом)*. И?

Азеф. Не прозевайте, князь. Счастливый случай идет вам в руки.

Юсупов. Неужели?

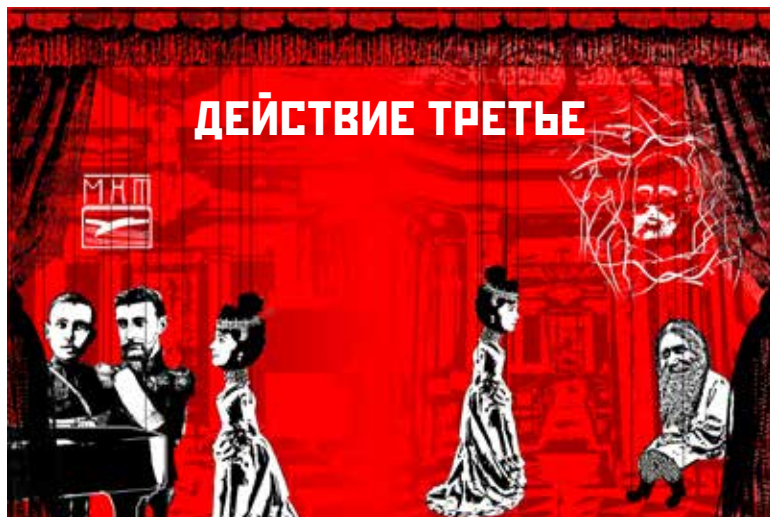
Азеф. Точно вам говорю.

Юсупов. Спасибо за визит.

Азеф. Вы знаете, как меня найти.

Юсупов отворачивается, Азеф уходит.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Савва Морозов в Париже, в кафе, с Горьким. Горький пересказывает разговоры с Савинковым. Пугает.

Горький. Ты пойми, дорогой мой человек, они могут убить тебя. Ты даешь деньги РСДРП, это их раздражает. Они считают устранение обычной частью процесса построения более честного общества.

Морозов. А что ты советуешь делать? Может, спросим душечку нашу, она лучше нас разбирается в этих революционерах.

Горький. Она сейчас придет и спросим, но помня мои слова, помня потом.

Морозов. Я тебя слышу, но ты лицо необъективное, к тому же писатель, у тебя образы на уме, буревестники всякие. *(Смеется.)*

Горький *(встает и целуется с подошедшей Андреевой)*. Как дошла?

А н д р е е в а *(целуется с Морозовым)*. Ну как дошла, так и дошла. *(Показывает голую грудь под пиджаком.)*

Г о р ь к и й . Опять за свое?

А н д р е е в а . Скукота, все надоело, и вы в первую очередь.

М о р о з о в . Меня убьют?

А н д р е е в а . Это вопрос?

М о р о з о в . Да вот Алексей говорит, что убьют. А ты что скажешь?

А н д р е е в а *(смотрит на Горького)*. Что он может знать, он же олух царя небесного, ты же его знаешь.

М о р о з о в . Но он же не от себя говорит, он, видно, общается с кем-то из этой шушеры.

А н д р е е в а . Наплюй, он просто ревнует.

Горький встает, роняет стул и уходит, не прощаясь. Андреева смеется и берет Морозова за руку.

А н д р е е в а . Наплюй, я тебе говорю.

М о р о з о в . Как скажешь.

А н д р е е в а . Скучно, поедем в Монте-Карло.

М о р о з о в . Вот далась вам всем эта Ницца. *(Смотрит на нее счастливыми глазами.)* Ну хорошо, поедем.

Заказывают шампанское и продолжают болтать ни о чем.

СЦЕНА ВТОРАЯ

У Кшесинской. В одном из залов играет рояль. М а т и л ь д а танцует. Рядом стоят Ю с у п о в и кто-то из великих князей, кажется, К о н с т а н т и н . Разговаривают.

Ю с у п о в . Ну так как же будем действовать?

К о н с т а н т и н . Да никак не будем. Департамент докладывает, что рабочее движение под контролем и у Столыпина ничего не получится.

Юсупов. А у кого получится?

Константин. Вы понимаете про власть?

Юсупов. Хотите объяснить?

Константин. Вот смотрите. Проблемы власти в отсутствии баланса. Теперь они налицо. Но режим должен быть таким, чтобы порядок восстанавливался сам, иначе режиму конец.

Юсупов. Это как?

Константин. Ну как. Распутин хочет снести Столыпина, вы — Распутина, одни революционеры других и так далее. Мы должны дать процессу двигаться самому, уничтожая некие детали, мешающие течению дел.

Юсупов. Например?

Константин. Ну вот вы, например, таскаетесь к Матильде. Почему? Хотите ее воли, так? Но она вам не помощница, и вы этого не понимаете. И тут вот я. Вам объясняю. Не сюда вам надо ходить.

Юсупов смотрит немного озадаченно.

Константин. Ходите в МХТ. Говорят, очень приличный театр, жалко — провинциальный. Но оно, может, и к лучшему.

Музыка кончилась,

Кшесинская (*спешит к ним*). Господа, как я рада вас видеть!

Константин. Вы божественны, как всегда.

Юсупов. Несомненно, великий князь прав. Отходит от них.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Кабинет Столыпина. Дверь открывается, входит секретарь.

Секретарь. Ваше превосходительство, поступает информация о беспорядках. Рабочие вышли на улицу. Требуют. Не расходятся. Полиция не вмешивается.

Столыпин молча слушает, потом взмахом руки отпускает секретаря.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Кабинет царя. Входит Столыпин.

Столыпин. Ваше Величество!

Николай. Садитесь.

Столыпин садится.

Николай. Чего вы хотите?

Столыпин. Вот проект указа.

Николай читает и подписывает. Столыпин молчит.

Николай. Довольны?

Столыпин. Работы много, Ваше Величество.

Николай. Так ступайте и работайте.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Немецкое посольство. Разговаривают двое.

Первый. Столыпин получил полномочия.

Второй. Да неужели.

Первый. Будем докладывать?

Второй. Обязательно.

Первый. Не следует ли что-то предпринять?

Второй. Что?

Первый. Ну не знаю. Что-нибудь.

Второй. Давайте повнимательнее посмотрим на англичан.

Оба смеются.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Английское посольство. Разговаривают двое, похожие как один.

Первый. Знаю.

Второй. Что делаем?

Первый. Возможно, французы подумают про Морозова.

Второй. Вы говорили?

Первый. Я думал.

Второй. Разве Морозов настолько опасен?

Первый. Упрощение, нужно упрощение. В этом театре стало слишком много актеров.

Второй. Вы правы, как и всегда.

Первый. Да ладно, на вашей зарплате это не отразится.

Оба смеются

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Ленин и Троцкий.

Ленин. Ты понимаешь, что нам придется действовать очень жестко, чтобы удержать власть? У нас не будет инерции монархии, и народ придется причесывать.

Троцкий. А чего ты вдруг?

Ленин. Да Маша волнуется, что потеряем Морозова.

Троцкий. А чего так?

Ленин. Горький.

Троцкий. Хочешь, я с ним поговорю?

Ленин. Только не убивай.

Троцкий *(смеется)*. Они из-за пончика своего кого угодно поубивают.

Л е н и н . Но ты же не такой.

Теперь оба смеются.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Особняк Кшесинской. Не рано и не поздно. Она только встала. Входит дворецкий : приехал Распутин . Матильда удивлена, просит принять и сказать, что она выйдет через полчаса.

Дворецкий провожает Распутина в одну из гостиных. Входит Кшесинская . Распутин, развалясь, сидит на диване.

К ш е с и н с к а я . Григорий, чем обязана такому счастью видеть вас?

Р а с п у т и н . Да ладно тебе, ненавидишь меня, как и все тут.

К ш е с и н с к а я . Я — Матильда, а не все.

Р а с п у т и н . Да, тело хорошее, кто спорит.

К ш е с и н с к а я . Ты — черт.

Р а с п у т и н . Царь дал полномочия Столыпину, не хочет его отправлять в отставку, не слушает меня.

К ш е с и н с к а я . Тяжелый случай, я слышала.

Р а с п у т и н . Он тебе же тоже не нравится. Жмет твоих друзей, а теперь станет совсем плохо.

М а т и л ь д а (*молча смотрит на него, потом почти шепчет*). Я посмотрю, что смогу сделать.

Р а с п у т и н (*обрадованно, еле сдерживаясь*). Давай, матушка, помогай.

К ш е с и н с к а я . Выпьешь?

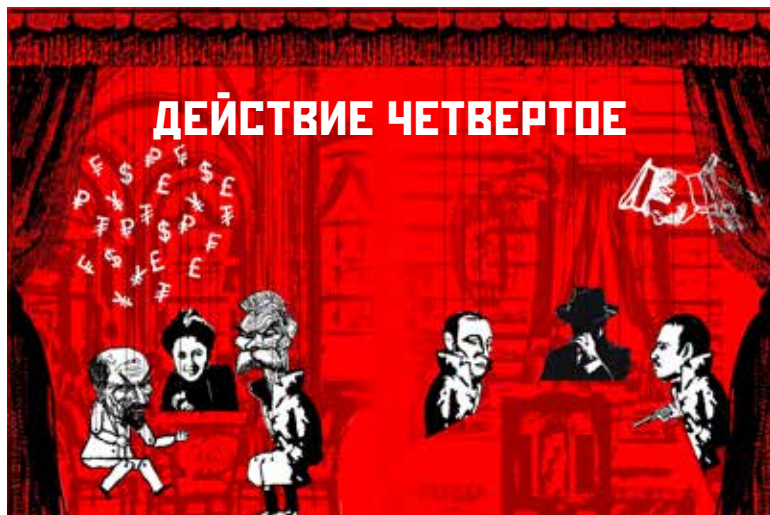
Р а с п у т и н . Спляшешь?

К ш е с и н с к а я . Всё, мне пора. Спасибо за визит. Всегда рада.

Р а с п у т и н . Не сердись, я не всерьез.

К ш е с и н с к а я . Что? Не слышу.

Уходит. Распутин чешет грудь. Берет со стола графин. Наливает. Пьет. Вытирает бороду. Уходит.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Мертвый Морозов. Французская полиция. Андреева. Смотрит. Оpozнание.

Андреева. Да это он.

Просит дать ей возможность уйти. Ее спрашивают про почерк на записке. Она отмахивается. Выходит на улицу. Идет по тротуару. Ее нагоняет Горький.

Горький. Это не я.

Андреева. Ты.

Горький. Правда не я.

Андреева. А где вы были вчера целый день?

Горький. Мы встречались, тут недалеко ездили. Приезжал Евно Азеф.

Андреева *(ненавидяще смотрит на него)*. Кто-то?

Горький *(упавшим голосом)*. Азеф. Рассказывал про столкновение интересов, просил денег для Гапона. Чтобы он увел людей, не поддерживал Столыпина.

Андрева. И что Савва?

Горький. Ты же знаешь.

Андрева. Я тебя спрашиваю.

Горький пожимает плечами.

Андрева. Неужели ты убил его из ревности?

Горький. Я его не убивал. Он сам.

Андрева. Опять? Какой же ты слизняк.

Горький *(закашлялся)*. Я, может, не шибко хороший, но я его не убивал.

Продолжают ходить вокруг квартала. Машут руками, орут друг на друга.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Какая-то забегаловка на рынке. Савенков и Азев едят щи. Пьют водку. Не кошерно, но ладно.

Азеф. Ну вы что-нибудь решили?

Савинков. Дай поесть.

Молча продолжают есть. А потом...

Савинков. Я нашел исполнителя, надо обеспечить проход и инструмент.

Азеф *(облегченно вздыхает и кивает)*. Всё делаем.

Савинков. Когда и где, жду от тебя варианты, потом решу.

Азеф. Морозова убили.

Савинков. Ты?

Азеф. Говорят, он сам.

С а в и н к о в . А почему сразу не сказал? А, понятно. Экая ты сволочь. Значит, мы этих орлов слегка притормозили.

А з е ф . Ну типа того.

С а в и н к о в . Что дальше?

А з е ф . Это вам решать.

С а в и н к о в . Ленин или Троцкий?

А з е ф . Из этих если, то, конечно, Ленин. Только зачем? Шансов у него немного.

С а в и н к о в . А у кого много?

А з е ф . У нас.

С а в и н к о в (*наливает себе водки и пьет*). Ладно, иди. Дай отдохнуть.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Какое-то помещение в театре. Кшесинская готовится танцевать. Входит К о н с т а н т и н . Он весел.

К о н с т а н т и н . Матильда, ты сегодня чрезвычайно хороша.

К ш е с и н с к а я . Оставьте ваши комплименты, рано вы начали.

К о н с т а н т и н . Да я всего лишь чуть-чуть. Я и не устал совсем. Вчера вечером вы были также прелестны.

К ш е с и н с к а я (*зло*). Да, вчера у меня творилось черт-те что. Политика, политика. Чрезвычайные меры. Все только об этом и говорили. Вы что-то заигрались совсем в вашу политику. Шампанское, музыка и танцы не помогли. Все напильсь и погрустнели совсем. А я этого не люблю.

К о н с т а н т и н . Ну, душа моя, что я могу. История движется прямо через нас, а мы все такие пафосные и напыщенные, ибо создаем ответственность.

М а т и л ь д а . Вы ослы и дураки.

К о н с т а н т и н (*смеется*). А разве это не одно и то же?

Матильда. Ступайте к себе, вы мешаете.
Константин. Успех обеспечен.
Матильда. Идите к черту.
Константин. Вы сегодня суровая.
Кшесинская (*выпрямившись*). Да, я такая.

Кшесинская улыбается. Константин уходит.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Ленин, Горький, Андреева в Вене. Сидят в кафе рядом с оперой. Ленин воодушевлен.

Ленин. Убийство Столыпина открывает двери. Мы должны вербовать сторонников, мы должны сеять, сеять и сеять.

Андреева. Вы прям агроном. (*Смеется.*)

Горький (*он пьян*). Я так рад, что все так прекрасно устроилось, ведь иногда мертвые нужнее живых.

Андреева. Поганец вы страшный, но талант: вот ведь вывернул.

Ленин. Нужны деньги.

Андреева. Деньги, деньги, деньги.

Ленин. Не мне — нам. Деньги способны перевернуть взгляды на все остальное.

Андреева. А вы не пробовали работать?

Ленин. А вы злая.

Андреева. Все так говорят.

Горький. Ну зачем вы так. Маша очень добрая. Вы ее просто мало знаете.

Ленин. Ваша правда, мало. И все-таки — где взять достаточно денег? Нужна газета и сеть.

Горький. Могу отдать в газету мой новый роман.

Андреева. Пей молча.

Горький. Да что ты в самом деле, я еще не начинал.

А н д р е е в а . Ну вот и начни.

Горький встает, роняет стул и выходит.

А н д р е е в а . Вы его извините, он очень переживает смерть Саввы.

Л е н и н (*отворачиваясь*). Мы все переживаем.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Дом где-то за городом в лесу. В доме за деревянным столом сидят трое. Савинков, Азеф и кто-то еще. Сидят в верхней одежде. В доме не натоплено, сыро. Ноябрь.

А з е ф . Вы хорошо закопали?

К т о - т о т р е т и й (*пряча лицо*). Отлично.

А з е ф . Тогда ступайте.

С а в и н к о в . А ведь ты такой же подонок, как и он.

А з е ф . Сравниваешь меня с Георгием? (*Смеется, достает пистолет.*) А вот так если? Похож?

С а в и н к о в . Очень.

Кто-то третий бьет Азефа по голове. Азеф падает на пол.

С а в и н к о в (*смотрит на него без эмоций*). А если так?

А з е ф (*меняет тон*). Я только делал. Они говорили — я делал. И всё.

С а в и н к о в . Кто они?

А з е ф . Их много, разных.

С а в и н к о в . Ты все расскажешь.

А з е ф . Это вряд ли.

В руке у него другой пистолет, он стреляет себе в голову.

С а в и н к о в . Странный выбор. Он умер?

К т о - т о т р е т и й . Похоже.

Савинков. Тогда закопай его тоже.

Встает и выходит. Кто-то третий выходит следом. Азеф встает весь в крови и, шатаясь, подходит к окну.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Юсуповский дворец. Огромный стол. На одном конце сидит Юсупов, на другом Распутин. Обедают.

Распутин. Ты просто не знаешь, что такое власть. Молокосос. А лезешь.

Юсупов. Ты моральный урод и растлитель.

Распутин. Ну что мы как в театре. Будь проще, князь. Власть не затворница, власть — река. В нее можно входить бесконечно, но остаться сухим — никогда.

Юсупов. Ты всё, что я ненавижу.

Распутин. Ну хватит, ну тут же никого нет, для кого вы ломаетесь. Все так вкусно, а вы...

Юсупов. Не лезьте больше ко двору, никогда, это приказ.

Распутин. Чей? Кто может отдать такой приказ?

Юсупов. Я.

Распутин. Ты думаешь, я проблема. А я решение. Со мной власть будет медленно тонуть, но она будет. Без меня, с такими, как ты, она быстро уйдет в другие руки.

Юсупов. Ты же говорил, что власть — река.

Распутин. Сейчас я не про власть, а про режим.

Юсупов. Ты потный и вонючий.

Распутин. Это одно и то же.

Юсупов. Что?

Распутин. Потный и вонючий. Но я могу помыться, а от глупости нет лекарства.

Юсупов. Ну хватит с меня. *(Встает.)* Вставай!

Распутин *(сидя)*. Зачем? Мне и так хорошо.

Ю с у п о в *(стремительно подбегает к Распутину)*.
Ну всё, Гриша, хана тебе.

Распутин бьет князя в лицо. Тот падает. Распутин встает, бросает на него салфетку и выходит.

На улице мальчишка кричит, размахивая газетой: «Распутина убили, Распутина убили!» Город еще спит. Но горит свет во дворцах и посольствах.

За городом копают могилы. Продолжается жизнь. Она, как и власть, бесконечная река. Безвременье.

З а н а в е с

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Первая половина XIX века полна сюрпризов и сенсаций. Тайные общества, проекты реформ, слабость власти и сильные личности. Расцветает поэзия, процветают салоны. Жизнь бьет ключом, и власть едва-едва успевает попадать в такт. Но попав, дальше уже — сама-сама.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Александр I
Николай I
Уваров
Константин, вел. кн.
Пушкин
Бенкендорф
Сперанский
Аракчеев
Нарышкина
Трубецкой
Рылеев
Пестель
Муравьев
Талейран
Ленин

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Кабинет Александра в Царскомельском дворце. Ц а р ь не в духе. Входит С п е р а н с к и й .

Ц а р ь . Миша, давайте, наконец, разберемся, что у нас происходит. Я завален вашими записками о ре-формах, я со многими вашими идеями согласен. Но! Я также получаю записки Аракчеева и Бенкендорфа, где один и другой пугают меня последствиями ваших предложений. Если их реализовывать.

С п е р а н с к и й . Ваше Величество, вы же понимаете суть наших расхождений. Они носят принципиальный характер. То, чего хотят эти господа, хорошо понятно. Тотального контроля и тотального надзора. И это совсем не одно и то же. Они разные, но об одном и том же.

Ц а р ь . Так что прикажете делать, Миша?

С п е р а н с к и й . Пусть всё идет, как идет, а там посмотрим.

Ц а р ь . Только недолго.

С перанский . У нас много времени и нет.
Власть неустойчива, и все это видят. Либо сторонники, либо давление.

Царь . Ну что поделаешь, придется выбирать.

С перанский . Придется.

Царь . Ладно, ступайте пока, боритесь за всё это.

Александр небрежно поддевает стопку бумаг, они разлетаются по столу. Александр смотрит с отвращением. Сперанский уходит.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Салон Зинаиды Волконской. Дым коромыслом. Шум и гам. Маскарад. Пушкин нарядился Пушкиным, а все принимают его за Онегина. Очень смешно.

Уваров (*подходит к Пушкину*). Ваши стихи у всех на устах, не только у дам. (*Смеется.*)

Пушкин . Двор меня не любит.

Уваров . Двор вас обожает. Особенно теперь. Когда ему нужна любовь общества. А общество — это вы. Значит, двору нужна ваша любовь. Видите, как всё просто.

Пушкин . Вас послушать, так у меня и проблем нет.

Уваров . Конечно, есть. Деньги, например.

Пушкин . Да. Деньги — да.

Уваров . И тут нам с вами по пути.

Пушкин . Как это?

Уваров . Побольше внимания к самодержавию как народности. Воплощение народности есть самодержавие.

Пушкин . Ну вы и жук. Я-то думал, изворотливее меня нет никого на Руси. А тут вы. Тонкий-тонкий.

Уваров . Да ладно, скажете тоже. Полно.

Пушкин (*приплясывая*). Да-да.

У в а р о в . И вот еще что: вы как-то повнимательнее с тайными обществами. Да-да, читал я. Их используют. Они как дети. И допользуют до конца.

Пушкин перестал приплясывать.

У в а р о в (*оборачивается к кому-то, поднимает руку*). Голубчик, как давно я вас не видел!

Уходит. Пушкин смотрит ему в спину.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Прием у великого князя. То ли родился кто-то, то ли женился, то ли юбилей. Весь двор тут. Разбрелись по саду. По аллее идут двое. Разговаривают.

Т а л е й р а н . Граф, вы очень всё правильно говорите. Учтите только, что слабость режима слаба до определенной границы, потом следует выбор.

Б е н к е н д о р ф . Вы считаете, что надо действовать как-то иначе?

Т а л е й р а н . Я не знаю ничего про то, как вы действуете, я лишь хочу, чтобы вы понимали: эта нынешняя неустойчивость двора Александра влияет на всю европейскую политику. И наоборот.

Б е н к е н д о р ф . Вы считаете, что надо дать слушаться тому, что должно?

Т а л е й р а н . Я не считаю, я лишь пытаюсь сказать, что время свалки под ковром наступает, и вы не должны стоять в стороне.

Б е н к е н д о р ф . Отпустить?

Т а л е й р а н (*пожимая плечами*). Излишняя борьба с вредителями приводит к несварению желудка.

Б е н к е н д о р ф . Быть рядом?

Т а л е й р а н . Идеальная позиция. Удержите режим.

Б е н к е н д о р ф . Вы слишком опытни.

Т а л е й р а н *(поднимает бровь)*. Слишком?

А л л е я заканчивается фонтаном. Они расходятся.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Кабинет Александра I. Аракчеев доложил о состоянии дел.

Ц а р ь . А что у вас со Сперанским? Почему не можете вместе работать?

А р а к ч е е в . Он желает невозможного.

Ц а р ь . Я приказывал вам учитывать его рекомендации.

А р а к ч е е в . Они противоречат устоям.

Ц а р ь . Каким устоям?

А р а к ч е е в . Вашей власти. Он пытается создавать зоны, где допускается выбор, а этого быть не должно. Есть приказ — и всё.

Ц а р ь . А как же свободное творчество масс?

А р а к ч е е в . Эти слова появятся не скоро. Откуда вы их взяли, если позволено будет спросить?

Ц а р ь . Да вот просто оказались на языке. А что не так? Это же здорово бы было, если бы общество само...

А р а к ч е е в . Этак вы империю развалите.

Ц а р ь . Занесло меня, похоже.

А р а к ч е е в . Нет. Вы просто позволили себе фантазию, чтобы убедиться, куда она приведет, и посмотреть, как реагируют на нее ваши верные слуги.

Ц а р ь . Да, и я убедился, что вы не дрогнете.

А р а к ч е е в . Никогда, Ваше Величество.

Ц а р ь . Ну хорошо, ступайте.

Аракчеев уходит. Александр запускает вдогонку нож для резки бумаг.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Салон Нарышкиной. Кто-то декламирует стихи, кто-то за кем-то волочится, кто-то пьет, кто-то третирует слуг. В глубине сидит Нарышкина, возле нее Уваров. Разговаривают.

Уваров. Вы, мне кажется, слишком эмоционально реагируете на некоторую расфокусировку институтов. Да, возможно, жандармы увлекаются. Да, Сперанский требует невозможного. Возможно, Аракчеев слишком ревностно понимает необходимое. Но это же Россия, и все само образуется.

Нарышкина (*задумчиво*). Вы полагаете?

Уваров. Ну конечно.

Нарышкина. Государь так устал от непрерывных забот. Столько выпало на его царствование, а хочется ведь и отдохнуть.

Уваров. Понимаю и повторяю: все образуется. Вы вот Трубецкого пореже принимайте, и все еще лучше пойдет.

Нарышкина. Вы думаете?

Уваров. Вы дарите офицерам надежду, а это лишнее. Они воспринимают все это слишком горячо.

Нарышкина. Но я же не...

Уваров (*перебивает*). Ни в коем случае.

Нарышкина. Я всегда в вас уверена, граф.

Уваров. А я всегда у ваших ног.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Варшава. Территория дворца великого князя Константина.
На аллее парка великий князь и Аракчеев.

Константин. Вы, граф, должны понять, что государство не нуждается в вас. Это вы нуждаетесь в нем.

Аракчеев. Я служу.

Константин. К чему тогда вопросы. Император колеблется? Не давайте ему колебаться. Вы зачем еще нужны? Государство должно управляться. Строиться и подчиняться. Это понятно?

Аракчеев. Так точно!

Константин. Убирайте от него этого прощелыгу Сперанского. Бенкендорфа слушайте больше, но не верьте. Он вас еще удивит. Но он служака. Отчаянный. Люблю таких. Кого мы забыли? Уварова. Эта сука всех переживет. Если проиграете, то ему в первую очередь.

Аракчеев. Понял, Ваше Высочество.

К о н с т а н т и н . Европа смотрит. Европа видит. Продемонстрируйте Европе стальные мускулы приказа. Плац — это наше всё. На плацу всё видно и всё показательно.

А р а к ч е е в что-то пытается сказать, но Константин не слушает.

К о н с т а н т и н . Ступайте и помните: не допускать неисполнения приказа. Давить, давить и давить.

Аракчеев кланяется и пятится. Константин скрывается во дворце.

СЦЕНА ВТОРАЯ

С п е р а н с к и й и Т р у б е ц к о й . Случайный разговор на похоронах княгини Н. Дождь, все устали и промокли. Вернулись в дом. Им налили по рюмке водки. Посадили поближе к камину. Разговор продолжается, очевидно, тот, который начали, столкнувшись еще перед домом.

С п е р а н с к и й . Ну помилуйте, князь, ну зачем же все время подставлять голову на плаху. Мы же цивилизованные люди и хотим жить в стране, где закон решает, а не прыть чья-то или прихоть. Ну право.

Т р у б е ц к о й . Вы как бы правильно всё говорите, но, поверьте, ваш эпистолярный угар так же обречен, как и моя горячая преданность государю. Быть полезным бесполезно. Вы можете это понять?

С п е р а н с к и й . Я понять-то могу что угодно. Но публичная политика невозможна при наших режимах. Народ беспросветно отстранен, а знать наша развращена и ленива. Вы это не хуже меня знаете. Вы эту спящую кобылу не натываете. Она толстокожая слишком.

Оба хохочут.

Т р у б е ц к о й . Может, еще по одной?

С перанский . Черт с вами, давайте!

Трубецкой машет рукой. Приносят еще водки.

С перанский (*осторожно смотрит на Трубецкого*). А то простудимся, не приведи бог.

Трубецкой . Главное — не на виселице.

С перанский . Ну что за юмор!

Трубецкой . Вам видней. Еще не спустили в уборную ваши проекты?

Сперанский насупился и промолчал.

Трубецкой . Не сердитесь!

С перанский . Трудности есть, но я справлюсь.

Трубецкой . Было бы неплохо.

С перанский . Да хорошо будет. Особенно если вы не будете проявлять ослиное упрямство.

Трубецкой . Мы не упрямые. Мы честные и гордые. Всего-навсего. И Аракчеев нам не нравится.

С перанский (*тихо*). А кому он нравится?

Входит Бенкендорф. Собеседники замолкают и смотрят в камин.

Бенкендорф . Заговоры?

С перанский . Помилуйте!

Трубецкой (*выпятив челюсть*). Все может быть.

С перанский (*смеясь*). Не слушайте его.

Бенкендорф . Я всех слушаю.

Все молчат. Трубецкой уходит. Сперанский и Бенкендорф смотрят друг на друга.

Бенкендорф . Мы разве враги?

С перанский . Отнюдь.

Бенкендорф . Так в чем же дело?

С перанский (*улыбаясь одними губами*). Водка кончилась.

Бенкендорф. Помилуйте, так не бывает.

Сперанский отворачивается, Бенкендорф уходит.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Кабинет в мавзолее. Телеурок для пионеров. Ленин рассказывает о так называемых декабристах.

Ленин. В чем принципиальная ошибка руководителей данного мероприятия? В полнейшем непонимании функционирования государства. Его машины. Самой системы. Вместо того чтобы выходить на площадь и демонстрировать свою отвагу и глупость, следовало захватить узловые вещи. Прежде всего — царский дворец, Генеральный штаб и пороховые склады. Тем самым обеспечивая себе хорошую переговорную позицию. И заложников, побольше заложников из числа знатных людей, двора и так далее. Далее: мотивация солдат — отдать им город на разграбление. Да-да, пусть пограбят, тогда власть будет посговорчивее. И так до тех пор, пока сами не станут властью. А что мы видим в исторических описаниях — обращение к наследнику, к Константину? Нищета мысли при гордыне непомерной и демотивированных подчиненных. А неявка Трубецкого? Вообще нелепый случай. Диктатор не явился. Вы слышали что-нибудь подобное?

Ленин, развеселившись, идет вприсядку по комнате. Оператор отключает трансляцию. Учителя переключают внимание пионеров на себя. Вожатые наводят порядок. Объясняя срыв трансляции перегруженностью графика вождя.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Аракчеев и Уваров. На охоте. Трудно представить такое, но ведь было. Утки, утро, тишина. А потом стрельба, лай

собак. А уже затем — посиделки. И вот они сидят — и едят что-то и пьют что-то.

А р а к ч е е в . Ты понимаешь, граф, если будет Константин, я тоже буду, а если будет Николай, то меня не будет.

У в а р о в . Почему? Ты сам режим.

А р а к ч е е в . Сейчас я администратор, и при Константине я администратор. А при Николае? При Николае он сам администратор. Смекаешь? Все то же самое, но без меня.

У в а р о в . Трудно тебе.

А р а к ч е е в . А тебе вот бояться нечего. Тебе все равно. Ты — смазка режима. Всегда нужен. Объяснить. Стереть. Написать по новой. Стравить. Развести. Довести до финиша. Хорошо тебе.

У в а р о в . Ну не утрируй. Тоже, знаешь, потею.

А р а к ч е е в . Не прибедняйся. Вы со Сперанским пара. Но ты выживешь — и его выживешь. Понимаешь? *(Смеется.)*

У в а р о в . Не знал, что ты такой тонкий, господин министр.

А р а к ч е е в . Всё, разлюбил меня?

У в а р о в . А что — любил?

А р а к ч е е в . Мне казалось, мы нужны друг другу.

У в а р о в . Извини, мне бы себя дотащить. Тебя, боюсь, не потяну.

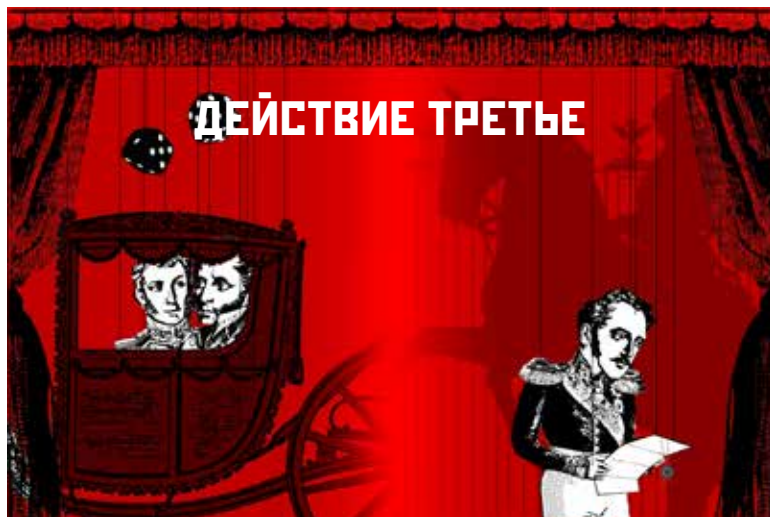
А р а к ч е е в . От тебя много и не требуется.

У в а р о в . Чего ты хочешь?

А р а к ч е е в . Не вреди.

У в а р о в . И все? *(Смеется.)* Договорились. Не буду.

А р а к ч е е в . Ну вот и ладушки

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Парское Село. Екатерининский дворец. Александр и Константин гуляют по парку.

Александр. Я хочу, чтобы ты отрекся в пользу Николая.

Константин. С какого перепугу? А ты куда собрался?

Александр. Ну, это же на всякий случай, чтобы все было в порядке, если что. Не дай бог неразбериха. Ты же знаешь, как все сейчас напряжено. Общество неспокойно. Доклады разные получаю. Да и ты, наверное, тоже. Да?

Константин. Это понятно. Но почему я должен отрекаться? Объясни хотя бы.

Александр. Охотно, дорогой брат. Ты отличный служака и вояка, и все прочие достоинства при тебе. Но ты груб и несдержан. Неспособен управлять ровно и давить равномерно. Режим же требует

именно такого. Наше общество, наш народ к другому не готов. Я пробовал. Не получается.

К о н с т а н т и н . Но я бы Аракчеева твоего оставил — и вся недолга.

А л е к с а н д р . Вот в этом и дело. Тебе нужен костыль, а Николаю — нет. Он сам Аракчеев. Понимаешь?

К о н с т а н т и н . Чего тут сложного. Тогда Польша остается за мной.

А л е к с а н д р . Разумеется. И моя большая благодарность.

Смеются, обнимаются и продолжают гулять.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Салон Зинаиды Волконской. П у ш к и н и Б е н к е н д о р ф . Стоят у окна и разглядывают проезжающие экипажи. Попадают симпатичные. Тогда сыплются колкости.

Б е н к е н д о р ф . Ну да бог с ними. «Онегин» ваш великолепен, однако ж есть вольности всякие там у вас. Высказывания разные. Надо бы, друг мой, помягче как-то.

П у ш к и н . Так я только начал, это черновик еще. Первая глава. Где вы ее взяли?

Бенкендорф смотрит на него молча.

П у ш к и н (*смущенно*). Да, понятно. Ну редактирую-редактирую, это, знаете ли, только первые круги.

Б е н к е н д о р ф . А что ваши друзья? Всё озоруют?

П у ш к и н . У меня таких нет. Я с серьезными дружу.

Б е н к е н д о р ф . Я понимаю. И все-таки — мне надо чего-то опасаться?

Пушкин *(отводя глаза)*. Я так не думаю, граф. Они слишком честные и гордые, чтобы устроить что-то достойное ваших опасений.

Бенкендорф. Вы их, возможно, недооцениваете.

Пушкин. Да нет, граф, я их оцениваю вполне. Вы же читали мои вещи. Они о многом говорят.

Бенкендорф. Я ваш поклонник. И мой совет вам: будьте благоразумней, держитесь в стороне.

Пушкин. Постараюсь.

Бенкендорф. И к текстам относитесь без пренебрежения.

Пушкин. А вот, кстати, занятный экипаж. Не правда ли, граф?

Бенкендорф. Действительно, смешной, какой-то куцый.

Продолжают тарашиться в окно.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Квартира где-то на Мойке. Совещание членов тайного общества. Решающая ночь перед событием.

Трубецкой. Все-таки давайте еще раз определим окончательно, чего мы хотим добиться.

Рылеев. Как чего? Все же написано в наших документах, приготовленных для Сената.

Трубецкой. Но не кажется ли вам все это нереальным? Надо ставить какие-то достижимые цели.

Пестель. Тебе кажется, что мы не добьемся своего?

Трубецкой. А ты считаешь иначе?

Пестель. Я считаю, надо действовать, а там как фишка ляжет.

Муравьев. Сомнения лишь ухудшают наши позиции. Давайте прекратим эти словесные упраж-

нения и выйдем завтра, как договорились. И будь что будет — я согласен с Пестелем.

Рылеев. И ты, князь, поведешь нас. Мы выбрали тебя диктатором восстания.

Трубецкой. Самого сомневающегося? Лихо.

Рылеев. Склад уже горит, бежать можно только вперед.

Все смеются.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Трубецкой и Уваров. Также ночь. Где-то в карете.

Трубецкой. Остановить не получается. Завтра мы выйдем.

Уваров. Ну попытаться-то можно было.

Трубецкой. Я и пытался.

Уваров. Вы, князь, завтра не ходите.

Трубецкой. Как я могу! Они мои товарищи.

Уваров. Сможете-сможете.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Эта же ночь. Уваров и Аракчеев в министерстве.

Уваров. Не спится?

Аракчеев. Как и вам, я вижу.

Уваров. Вы их не остановите? Всем всё известно.

Аракчеев. Ну прямо всем и всё.

Уваров. Константин отрекся, вы за Константина, восстание вам на руку, отречение Николая сделает вас временным управляющим империей.

Аракчеев. Да ладно. Почему меня? Царский род бесконечен, и наследников не пересчитать.

Уваров. Не считая романтиков и лириков, только вам это всё выгодно.

Аракчеев. Ой ли, а вы? А Сперанский? Ведь говорят, это он все придумал. Вдохновлял Александра на реформы. Создал атмосферу надежды и ожидания перемен.

Уваров. Вы умный подонок. Впрочем, как и я. Посмотрим, что получится. Ночь будет длинная, не на один год.

Аракчеев. Будьте осторожны, граф, вы слишком гибкий.

Уваров. А вы слишком жесткий.

Уваров уходит. Аракчеев с досадой бьет себя рукой по колену.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Молебен в честь Александра I. Адъютант усопшего царя подходит к великому князю Николаю и передает ему конверт. Николай вопросительно смотрит.

Адъютант. Последняя воля государя.

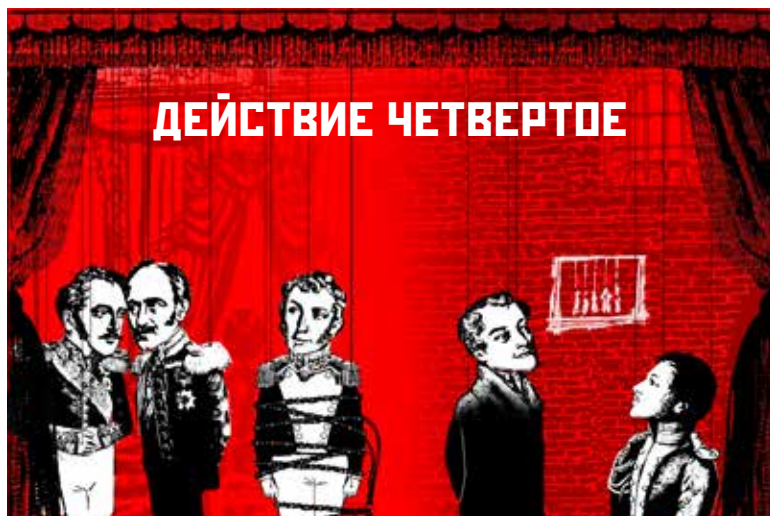
Николай *(берет конверт и отходит в боковой проход. Вскрывает конверт. Читает)* «Дорогой брат! Тебе предстоит провести державу через короткую и нестрашную бурю. Воспользуйся ею, чтобы восполнить пробелы в работе государства, которые возникли из-за моих колебаний при выборе пути. Теперь я вижу их хорошо. Пена вышла наружу, и тебе будет легко справиться с осушением маленького болотца в столицах. Офицеры немного зарвались и покажут себя в момент перехода.

Не бойся и будь тверд. Доверяй Бенкендорфу. Гони Аракчеева. Дай волю Уварову. Сперанский подстроится сам. И в дальний путь! Александр. P. S. Да, чуть не забыл. Тебе передадут отречение Константина. На него много рыбы поймаешь».

Николай вложил письмо в конверт. Поцеловал конверт. Обернулся. Все тот же адъютант, стоящий прямо за ним, отдал честь,

развернулся и ушел. Николай был и растерян и собран одновременно. Это когда все видно, но все не в фокусе. Он стоял и смотрел. Пока не появилась резкость.

Все случилось. Одни вышли, другие не вышли, а третьи оказались надежными опорами режима. В целом все прошло, как и мыслилось теми, кто это задумывал. Событие отразилось долгим эхом в стране. Стало эпосом. Апокрифом и сказаниями. Теперь главным для всех участников было зафиксировать прибыль или убытки. Одни боролись за повышение по службе, другие — за жизнь. Скучно не было. Никому, кроме Сперанского, наверное. Впрочем, и ему тоже надо было бороться, и он боролся.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Салон Зинаиды Волконской. Гости стараются не шуметь.

Пушкин (*Уварову*). Граф, но ведь можно же простить, помиловать. Ну с кем не бывает, право. Молодые, горячие.

Уваров. Молчали бы лучше. Не лезьте вы в это дело. Вы и так недалеко. Того и гляди поволокут в комиссию.

Пушк и н . Ну не могу же я вот так.

У в а р о в . Можете. Конечно, можете.

Пушк и н . Ну помилуйте, я писать не смогу.

У в а р о в . Сможете. Конечно, сможете. К лету уже все наладится. Поезжайте в деревню. А там осень.

А осень — она для поэтов.

Пушк и н . Я не певец самодержавия.

У в а р о в . А кто вы?

Пушк и н . Я поэт.

У в а р о в . Вы камер-юнкер.

Пушк и н . Вы мертвого достанете.

У в а р о в . Мертвый даже лучше живого. Старое можно отредактировать без авторских «не трогайте».

Кругом одна польза.

Пушк и н . Вы страшнее Бенкендорфа.

У в а р о в . Бенкендорф очень хорош.

Пушк и н . Да уж почище вас.

У в а р о в . Вот и отлично. Пусть он вас и перлюстрирует.

Пушк и н . Я не смирюсь с цензурой.

У в а р о в . Это как вам будет угодно.

Граф отходит. Пушкин кипит, но быстро переключается на хо-рошенькую барышню, появившуюся из прихожей.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Работа комиссии по делу о событиях на Сенатской площади. Николай I, Бенкендорф и Трубецкой.

Н и к о л а й . Итак, князь, чего вы хотели добиться?

Т р у б е ц к о й . Мы хотели привлечь внимание к необходимости реформ — таких как отмена крепостного права, допуск граждан к участию в управлении, ну и много чего еще.

Н и к о л а й . Да, это мы читали. То есть вы хотите сказать, что возможно с помощью демонстраций, таких как ваша, превратить человека в личность?

Т р у б е ц к о й . А как еще?

Н и к о л а й . Так вот это и есть ваше главное заблуждение. Вы считаете, что им это надо, потому что это надо вам. Но им то, что надо вам, совсем не надо.

Б е н к е н д о р ф . Князь, как вы не можете понять, что нельзя ложно возбуждать толпу. Это чревато для режима и для вас в том числе. Толпа растерзает любого. Вы читали истории о французской революции? Конечно, читали, иначе откуда это всё.

Н и к о л а й . А выводов не сделали. Ладно. Какую роль играл в ваших делах Аракчеев?

Т р у б е ц к о й . Мы незнакомы.

Н и к о л а й . Я не спрашиваю, знакомы вы или нет.

Т р у б е ц к о й . Ваше Величество, я не знаю об этом ничего. Буквально.

Н и к о л а й . Мне не нужна правда, мне нужен правильный ответ. Подумайте, князь, о своем будущем.

Т р у б е ц к о й . Могу лишь повторить, Ваше Величество, что я не знаю, есть ли связь между Аракчеевым и членами нашего общества. За всем не уследишь.

Н и к о л а й . А что скажете про Сперанского? Тоже из ваших? Братались с ним?

Т р у б е ц к о й . Некоторые полагали его как временного правителя. В случае успеха восстания.

Н и к о л а й . Вот даже как. Аракчеева, значит, выгораживаете. Как интересно. А кто убил его сожительницу?

Т р у б е ц к о й . Первый раз слышу.

Н и к о л а й . звонит в колокольчик, входит офицер.

Н и к о л а й . Уведите.

Трубецкого уводят.

Николай. Вы в это верите?
Бенкендорф. Нет, конечно.
Николай. Но поворот интересный.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Сперанский и Уваров между заседаниями комиссии беседуют в буфете.

Уваров. Вас невозможно поймать: домой приедешь — вас нет, в присутствии — вас нет. Что происходит?

Сперанский. Очень много работы по расследованию. На мне составление итогового доклада императору.

Уваров. Замаливаете грехи?

Сперанский. На мне нет их. Но будут, конечно, теперь.

Уваров. Да уж. Слышали про Аракчеева?

Сперанский. Отставка и ссылка. Да, слышал, конечно. Жалко его. Путевый управленец, без воображения. Не упругий.

Уваров. Как это вы хорошо сказали — «не упругий». Очень точно. Что дальше?

Сперанский. Дальше приговор и долгий шлейф. Ну да вам работы много будет. Консолидация общества. Народа. Всё — в монархе. Одна личность на всех. Единый и неделимый.

Уваров. Позвольте я запишу.

Сперанский. Запишите-запишите. Наверняка всё перепутаете, ну так это, может, и к лучшему.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Кабинет Николая в Зимнем дворце. В кабинете сам Николай, Бенкендорф и Сперанский. Входит Уваров.

Н и к о л а й . Входите, граф. Мы вас ждем. За вами поздно послали?

У в а р о в . Дорога как-то не сложилась быстро, прошу прощения, Ваше Величество.

Н и к о л а й . Я собрал вас для того, чтобы подвести некую черту и обозначить перспективы и ваши роли в них. Вы, Бенкендорф, — тайная полиция. Набирайте людей сколько надо, в бюджете не мелочитесь. Сперанский, вы разберитесь со всеми законами и прочими нашими официальными установлениями. Давайте сделаем систему из всех этих куч перлов и недомыслия. Ну а вы, Уваров, создайте миф для народа. Образование и наука должны двигать страну вперед. Но правильное образование. Слышите? Да, и еще творческие люди. Опасные. Тут не вы. Тут Бенкендорф. Все ясно?

Бенкендорф молча кивает. Глядя на него, кивают и остальные.

Н и к о л а й . Через неделю жду вас с планами. Более не задерживаю. Трудитесь.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Пестель и Рылеев в камере смертников.

Пестель . Ну и чего мы добились?

Рылеев . Практически всего, чего хотели. Власть напугана. Склонна к систематическим репрессиям и потаканию для избранных.

Пестель . И?

Рылеев . Мы двинули ход истории, ускорили, как смогли. И нас не забудут.

Пестель . Полагаешь?

Рылеев . Уверен. И главное — пойми, лучшего результата и быть не могло.

Пестель . Но нас же попользовали.

Рылеев. Ну конечно. Но они нас — на минутку, а мы их — навсегда. Государство, режим или как хочешь всё это называй — машина управления никогда не будет прежней после нас.

Пестель. И это хорошо?

Рылеев. Мы не можем судить, хорошо или плохо. Тем более для машины.

Смотрят друг на друга и начинают хохотать.

Занавес

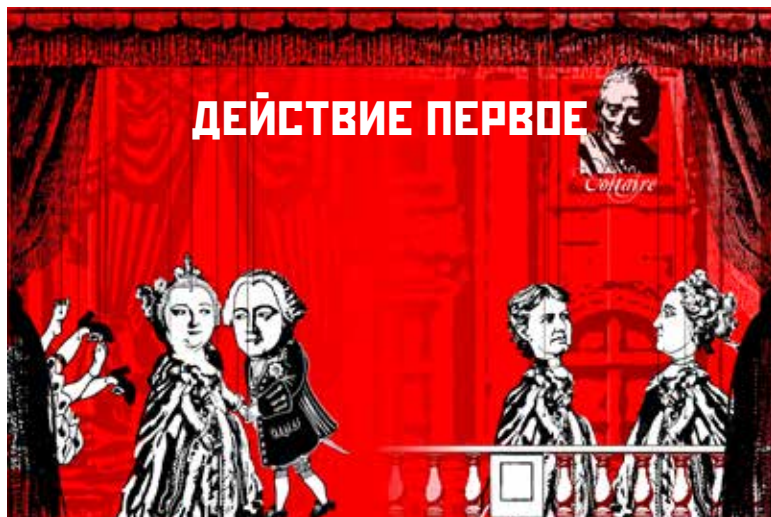

ЧАСТЬ 3

И вот у руля собирается быть Екатерина II. Этот восемнадцатый век — он был почти как семнадцатый. Оказалось, женщины почти такие же способные, как и мужчины, особенно если они все из Европы пришедшие. Ведь никто так не понимал про управление, как они. Он такой — золотой век.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Елизавета Петровна
Екатерина II
Пётр III
Павел I
Александр
Дашкова
Шувалов
Воронцовы
Салтыков
Разумовский
Орловы
Потёмкин
Панин
Безбородко
Пален
Гримм
Вольтер
Ленин
Чиновники и ассистенты

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Будуар великой княгини Екатерины. Сней Салтыков, фаворит.

Екатерина. Нет, ну как вот, скажи, мне тут существовать? Все наушничают и доносят.

Салтыков. Выбирай друзей и дружи.

Екатерина. Это невозможно.

Салтыков. У тебя есть нечто важное.

Екатерина. Что? Что у меня есть?

Салтыков. Титул. Он малоинтересен влиятельным вельможам двора. Но очень теплый для маленьких людей при дворе. Офицеры! Офицеры прежде всего. Простая улыбка, самый малый знак внимания способен согреть их. А дальше? Дальше пусть тлеют.

Екатерина *(подтягивая чулки)*. Это я могу, Серёжа, ты же знаешь.

Салтыков. Знаю, поэтому и говорю. *(Смеется.)*
Это капитал, копи его. Эти люди могут тебе потом очень пригодиться.

Екатерина. Ух и умный ты. Шкодный!

Салтыков. И главное — демонстрируй спокойную разумность в мелочах перед большими. Перед Шуваловыми там разными, Разумовскими, Воронцовыми. Они смотрят. Не думай, что они не замечают. Их выбор — главное. Елизавета уже не молода, они будут выбирать.

Екатерина. Есть муж.

Салтыков. Не думай ты о нем, о себе думай. Ты его спасение, а не он твое.

Екатерина. Вот ты все-таки...

Салтыков. За тебя радею, он мне неинтересен.

Екатерина. Знаю. *(Прижимается к Салтыкову.)*

Салтыков. Я уеду. Бумаги выправил себе. Поручение в Европе.

Екатерина. Почему? Что за бред! Ты нужен мне.

Салтыков. Надо о Павле подумать. Он — твоя главная страховка, если что. Зачем нам тени, зачем разговоры опасные.

Екатерина. Ты слишком хороший.

Салтыков. Знаю.

Екатерина *(подаёт руку и отстраняется)*.
Прощай.

Салтыков целует руку, молча кланяется, уходит. Великая княгиня смотрит ему вслед как царица.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Покои великого князя Петра Фёдоровича. Сним Елизавета Воронцова. Фаворитка, ну в смысле любовница, собеседница и вообще тихая заводь или омут.

Пётр. Романовна, ты у меня самая ненасытная во всей этой империи.

Воронцова. А мне говорили, твоя жена самая ненасытная. *(Смеется.)*

Пётр. Я не сержусь, но лучше ты ее не вспоминай.

Воронцова. С ней сестра моя страшно дружит, Катя, малолетка эта.

Пётр. Что их связывает? Юные забавы? Или они рассуждают о Дидро с Дидро?

Воронцова. Возможно, дядю охмуряют. Хотя вряд ли. Они ему неинтересны.

Пётр. Я сделаю его главным. Канцлером.

Воронцова. А меня?

Пётр. А тебя — царицей.

Воронцова. Меня Елизавета Петровна не любит. Велела к себе не пускать.

Пётр. А зачем ты к ней лезешь? Не лезь к ней! Слышишь? Не смей!

Воронцова. Да слышу я. Я дядю искала, он был мне нужен, ну я и пошла. А тут она. Наорала на меня.

Пётр *(горячась)*. Вот ты дура. Не соображаешь. Мне нельзя ссориться с императрицей, ты понимаешь?

Воронцова. Ну, Петенька, прости. Иди сюда, я заглажу свою оплошность. Иди, пожалею моего суслика.

Пётр. Я тебе не суслик. Я великий князь.

Встает, машет руками.

Воронцова. Как скажешь, суслик. Только не махай так руками, успокойся. Сейчас всё исправим.

Пётр хватает ее и жадно целует.

Пётр. Ух ты моя толстожопая. Иди сюда.

Падают на диван, с него — на ковер, катаются по полу, визжат и смеются.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Императрица Елизавета Петровна у окна. Смотрит на Неву. Входит Разумовский.

Разумовский. Ваше Величество, звали?
Елизавета. Да, хотя ты знаешь, я всегда тебе рада.

Разумовский молчит.

Елизавета. Скажи мне, милый друг, вот правильно ли я наследника назначила. Может, мне поменять его на другого? Петра — на Ивана.

Разумовский молчит.

Елизавета. Я лишь хотела, чтоб без крови, без вопросов, без суеты и шараханий власть перешла. Что скажешь?

Разумовский. Правьте вечно.

Елизавета. Ответ блистательный для царедворца. Мне нужно получить совет, а не поцелуй.

Разумовский. Я думаю, Ваше Императорское Величество, что оглобли поворачивать поздно. Малый двор сложился. И фавориты есть, и сильные из нынешних посматривают, кого сдать, на кого поставить. Оставьте им решать всё про себя. Живите с миром. Для себя. А они — потом.

Елизавета. Какой ты милый все-таки.

Разумовский. Там Воронцовы плотной стеной. *(Смеется.)* Поддержат и научат.

Елизавета. Эта толстозадая пизда и мой министр? Приходится мириться. Он хорош в делах, она хоть как-то отвлекает этого нелепого инфанта.

Разумовский. Всё к лучшему. Екатерина всё уравнивает. Умная, чертовка. Хороша.

Елизавета. Не суйся к ней.

Разумовский. Не боже мой.

Елизавета. Похоже, ты прав во всем, о чем мы говорили. Подумаю еще. А может, и не буду.

Подает руку. Разумовский целует. Она уходит. Он смотрит по сторонам. Но на столах нет ничего съестного.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Великая княгиня Екатерина и просто княжна Екатерина Дашкова (сестра Елизаветы Воронцовой и племянница канцлера). Разговаривают на балконе загородного дворца в Ораниенбауме. Был прием по случаю какого-то события у Петра Фёдоровича, мужа великой княгини. Были все, ну или почти все. Но Екатерина и Дашкова были отдельно. Говорили о Дидро, Вольтере, да мало ли тем у молодых дам. Им казалось, что они понимают друг друга с полуслова.

Дашкова. Вы, Ваше Высочество, пользуетесь большой любовью у всех, кто не вельможа, вы за просто с ними и, между тем, высоко.

Екатерина. Да брось, Катя, ну ты же понимаешь, как далек наш двор от идеалов века, от европейских умов и высот. Больно смотреть на наши потуги.

Дашкова. Вы скоро будете царицей, и тогда возможности появятся менять всё тут на то, что там. Печатать книги, открывать университеты и музеи, науку продвигать и просвещение.

Екатерина. Читала Руссо, о неравенстве людей он рассуждает. Ты оглянись вокруг — где мы?

Дашкова. Монтескье прочитай. Его идеи о разделении властей. К этому надо нам стремиться, справедливость и разумное управление — это два краеугольных камня государства.

Екатерина. Ну да, ну да. Начитанности еще мне не хватает.

Д а ш к о в а . Все будет. Надо тебе готовиться идеи эти претворять.

Е к а т е р и н а . С моим-то императором? Едва ли. Он вон с толстозадой своей проводит время. Меня не слушает. Не видит. Как бы в монастырь мне не попасть.

Д а ш к о в а . Ну уж нет, мы не дадим мешать нам правильно страну управлять. Такой шанс! Нельзя его упустить. А что до сестры моей, тебе она не ровня. Не умная. Совсем.

Е к а т е р и н а . Как ты о сестре. *(Смеется.)* Впрочем, планы строить рано. И рано думать о таком. О власти.

Д а ш к о в а . Думать никогда не рано. Всё дрожит.

Е к а т е р и н а . Смотри — салют, прекрасный вид.

Д а ш к о в а . Ну вот опять! При чем здесь салют! Хочешь, почитаем вместе Дидро или Вольтера? Пойдемте, Ваше Высочество.

Е к а т е р и н а . Отстань! Салюты я люблю и уходить не стану. Иди одна — вон ухажеры топчутся твои.

Д а ш к о в а . Мужчин я презираю. Примитив! Они лишь думают о юбках, лошадях и шпагах.

Е к а т е р и н а . Ну ладно, хорошо, пойдём. Хотя, сказать если от души, чего плохого в лошадях и шпагах? *(Смеется.)*

Дашкова сверкает глазами. Уходят, взявшись за руки.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Шувалов (один из) и Воронцов, который канцлер, в саду Екатерининского дворца, гуляют по аллее.

В о р о н ц о в . Погода совершенная сегодня. Императрица — и то бодрас утра.

Ш у в а л о в . Иллюзий не питаю, дни сочтены ее. Что будем делать?

В о р о н ц о в . Как всегда — собираюсь ходить на службу.

Ш у в а л о в . Я сроду не служил. Ну, не служил в вашем духе. Но пережить нам переправу предстоит. Наследник нам выдаст много всяких драм. Немедленно, по всем фронтам.

В о р о н ц о в . Я это вижу очень хорошо.

Ш у в а л о в . Вам чего бояться? У вас словно две семьи в одну слились. Одна племянница с наследником, другая — с его женой.

В о р о н ц о в . Моей вины тут нет. Всё случай.

Ш у в а л о в . Разумеется, тут всё случайно. Вы остаетесь? Это решено?

В о р о н ц о в . Как Бог управит. Я лишь орудие в руках его.

Ш у в а л о в . Обо мне не позабудьте.

В о р о н ц о в . Вас трое, как вас позабудешь. *(Смеется.)* У вас проектов много и задач. Вы ведь везде. Императрица вам благоволит.

Шувалов смотрит на него, потом отворачивается. Продолжают идти молча. Подходят к дворцу и расстаются.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Дашкова и Григорий Орлов разговаривают про это. «Это» — переворот и провозглашение Петра III отрекшимся от престола, а Екатерины — императрицей.

Д а ш к о в а . Император отъезжает с войском на войну с Данией, тут мы всё и делаем. Я говорила с гвардейцами много раз, они вполне созрели. Ненавидят пруссака.

О р л о в . Он отдал Пруссию, чего уж больше надо нам для поджига сердец.

Д а ш к о в а . Пожалуй. Он отбывает, мы провозглашаем, затем присяга Сената и Синода.

О р л о в . Всё так и будет. Не думаешь же ты, Катя, что ты всему тут голова?

Д а ш к о в а . Я — мозг.

О р л о в . Тебе 17 лет. Твой дядя канцлер. Вот и все дела.

Д а ш к о в а . А ты-то кто? Спишь с императрицей, но не император.

Орлов *(смеется)*. Откуда знаешь?

Дашкова. У меня тоже братья есть. Чего ты прешь? Буфет не здесь.

Орлов. Ты хороша, но лишь княгиня. Мне это не подходит, не проси.

Дашкова. Поганный малый. Грубиян.

Орлов. Я выпорю тебя.

Дашкова. Не зарывайся, офицер.

Орлов. Пошла ты нахуй. Дура.

Выходит. Хлопает дверями.

У Дашковой слезы. Сжаты кулаки. Высоко понят подбородок.

Дашкова. Всё так.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Покои императрицы. Присутствует Григорий Орлов.

Екатерина. Не задирай ты девочку. Она нужна, чтобы Воронцовы не дергались и переговоры кое с кем велись. Не от моего лица, а от Воронцова. Ты понял?

Орлов. Да понял, понял я. Но не могу терпеть эту надменную суку молодую.

Екатерина. Терпи. Не долго ведь. *(Смеется.)* Она не глупая. Просто маленькая. Потом подрастет, но будет поздно.

Орлов. Вот ваша правда, королева.

Екатерина. Иди сюда, мой медвежонок. Когда уже, когда?

Орлов. Да скоро, скоро.

Екатерина. Уверен ты в полках?

Орлов. Гвардейцы с нами. А если кого возьмут до срока, мы ни при чем, всё придумала родственница канцлера. Хотя мы по-любому победим.

Екатерина. Задор твой мне колени подгибает. В постель!

Орлов. Сейчас, дай я умоюсь.

Екатерина. Иди уж так, я не могу больше ждать.

Орлов. Ты знаешь, я не чувствую регистров. Сейчас ведь ты хочешь уколоть меня?

Екатерина. Иди уже, дурак. Я нежностью полна. Но ты дождешься, я наполнюсь злобой.

Орлов. Вот я — я здесь.

Бросается в постель. Обнимаются. Целуются. Ну и так далее.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Канцлер Воронцов и Екатерина Дашкова, его племянница. Дворец графа, кабинет.

Воронцов. Ты понимаешь, Катя, что ты делаешь?

Дашкова. А Лизка понимает, дядя? Позор семьи, она ведь спит с губителем всего. Как можно так!

Воронцов. Мы не про нее, мы про тебя. Мне говорили — ты в центре заговора. Плетешь интриги. Все слушают твои срамные речи. Ты революцию затеять хочешь?

Дашкова. Я золотого века хочу для России, просвещения. На троне должна быть императрица умная и с тягой к знаниям, к идеям либеральным.

Воронцов. Наивное дитя.

Дашкова. Не надо снисхождения. Я обелю и честь семьи, и честь страны. Очистимся. Ты с нами?

Воронцов. Вы больно буйные. Я подожду. Нестовость твоя страшна мне.

Дашкова. Я так разочарована!

Воронцов. Твое разочарование впереди. Ты молода, все видишь искаженно. Идеализм хорош без власти, а с властью это очень страшно может быть.

Дашкова. Мне себя не жалко.

Воронцов. Ой ли?

Д а ш к о в а . Я все смогу. Екатерина верит мне, а я ей. Мы вместе перестроим империю. Мы поклялись.

В о р о н ц о в *(с сомнением)*. Екатерина клялась?

Д а ш к о в а . Я образно, не жмурься, дядя.

В о р о н ц о в . Мой брат погряз в долгах, но ты! Ты чистый и прекрасный лист. Умна и образованна. Талантов много. Чего ты ждешь от жизни?

Д а ш к о в а . Победы! Скучный ты, и наши дискуссии пошлы. Читай Вольтера.

В о р о н ц о в . Я читал, философ он хороший. Но жизнь не философия.

Д а ш к о в а . Отстань. Не понял ты, а лезешь с нравочениями. Прощай.

Вскакивает. Выходит. Воронцов смотрит ей вслед. Качает головой. Гормоны. Этих слов тогда не знали.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Утро. Петергоф. Монплезир. Алексей Орлов будит Екатерину, и они отправляются в Петербург. В казармы Измайловского, Семёновского, Преображенского полков. Потом – Сенат с Синодом. Из-за угрозы разоблачения пришлось начать раньше, чем собирались, но вышло – одним махом до вечера все присягнули новой императрице. А затем поехали в Ораниенбаум, где Пётр III готовился напасть на Данию.

Покои императора. Ораниенбаумский дворец. Пётр III, Екатерина, Орлов, Дашкова, гвардейцы.

Е к а т е р и н а *(мужу)*. Твоя власть кончилась, мой дорогой, посмотри в окно.

П ё т р . Вижу, всех обтерла. Чего хочешь?

Е к а т е р и н а . Подпиши бумаги. Если отречешься, мирно отправишься вековать в Ропшу, там прилично вроде.

П ё т р . Собаку, скрипку и Елизавету.

Е к а т е р и н а . Твой весь набор? Нет, Лизки не будет, извини.

П ё т р . Ну почему?

Е к а т е р и н а . Да не по чину теперь она тебе. Она из канцлера семьи. А ты кто? Собирайся. Тебя сопроводят. И не балуй. Я не прошу.

П ё т р . Помилуй, государыня!

О р л о в . Давайте быстрее, устали кони!

Е к а т е р и н а . Всё. (Орлову.) Проследи тут.

Д а ш к о в а . История! История сама нами пишется сейчас! И просвещенья дух уже идет.

Е к а т е р и н а . Пойдем, ума палата! Поскачем рука об руку в столицу.

Выходят. Садятся на коней. Обе в офицерских мундирах. Едут управлять страной вместе.

СЦЕНА ПЯТАЯ

А л е к с е й О р л о в входит в покои Е к а т е р и н ы в Зимнем дворце.

О р л о в . Срочное дело, государыня.

Е к а т е р и н а (не вполне прибранная, сидит за чтением). Да что случилось? Что за спешка?

О р л о в . Несчастье. Ваш супруг и бывший император умер нынче утром.

Е к а т е р и н а . Что вдруг? От чего? (Бросает книгу.)

О р л о в . Ну, натурально, мне говорят, какие-то проблемы у него. Послали за мной. Я приезжаю — а он уже почти не дышит. Колики, сказали мне врачи. Напился или съел чего-нибудь, почему я знаю.

Е к а т е р и н а . Вы дрались?

О р л о в . Как можно! Пленных бить нельзя, нас так учили.

Е к а т е р и н а . Ах ты растяпа! Что так быстро? Нельзя ли было подождать полгода, год хотя бы.

Орлов. Ты думаешь, нарочно кто-то? Я? Да боже упаси! Не боже мой! Я б никогда!

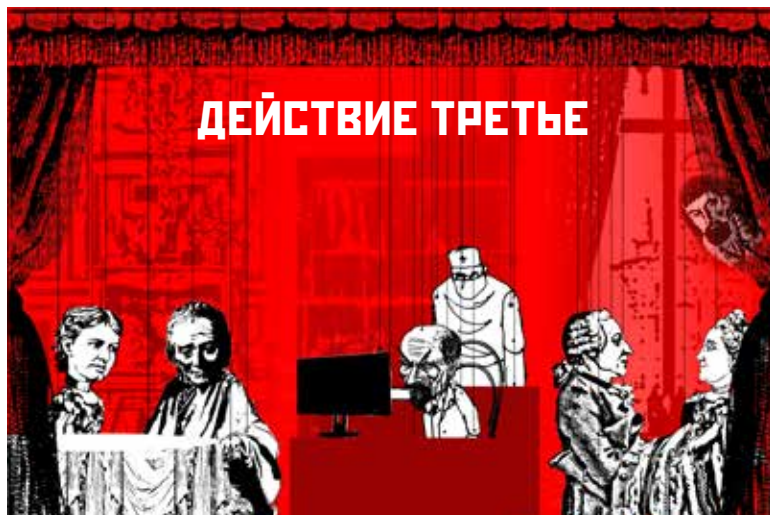
Падает на колени. Наклоняет голову.

Орлов. Руби, коли так. Не доглядел, не уберег.

Екатерина. Собери врачей, пусть сделают вскрытие, определяют причины смерти. Результаты мы опубликуем. Ступай.

Орлов пятится, на губах улыбка, императрица подает ему руку. Орлов целует. Она машет. Он уходит.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Дашкова у Вольтера в Ферне. За столом много лишних людей. Вольтер — бизнесмен. У него в Ферне производят массу товаров. Многие из них покупает Екатерина. После обеда разговор продолжили в кабинете.

Вольтер. Княгиня, вам понравился обед?

Дашкова. Всё великолепно, очень благодарна.

Вольтер. Как ваше путешествие?

Дашкова. Прекрасно.

Вольтер. Как государыня?

Дашкова. Она правит, что ещё.

Вольтер. Европа обсуждает абсолютизм, а он все меньше в моде. Нелепые смерти наследников, мужей. Что там еще у вас?

Дашкова. Случайности, издержки и эксцессы. Ретивость слуг.

Вольтер. Необходимость. Вот что им всем я отвечаю. Правление умеет много гитик, и все они ведут

в тупик, когда лишь этика есть под рукой. Железо иногда необходимо.

Д а ш к о в а . Я понимаю неизбежность, хотя смертельные этюды не люблю. Мне идеалы всё ж дороже, но государыня всегда права, ее не критикую. Всё по делу.

В о л ь т е р . Вы тонкая, про ум не говорю, начитанность вашу я в письмах к императрице отмечаю.

Д а ш к о в а . Напрасно вы. Не надо обо мне. У нас там свой приход, а вы... Не надо. Наше общение мне дорого. Но цену я могу и не сумею заплатить. Мне с ней не соревноваться.

В о л ь т е р . Вы не волнуйтесь, я почти не понимаю, когда так сбивчиво вы говорите.

Д а ш к о в а . Устали вы, я вижу. *(Замечает, что Вольтеру трудно сидеть.)* Я пойду, вы отдыхайте. И не провожайте.

В о л ь т е р . До свиданья, великодушная княгиня. Счастливого пути.

Дашкова выходит. Вольтер засыпает.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Мавзолей. Л е н и н сидит на стуле. Перед ним камера и монитор. Лекции по истории сами себя не прочтут. Хотя это спорно. Но сегодня так.

А с с и с т е н т . Владимир Ильич, вы в эфире. Когда захотите, можете начинать.

Л е н и н . Я сам знаю, что да как.

Ассистент уходит.

Л е н и н . Вы понимаете, в чем сущность всех, кто управляет? В желании управлять безгранично и по возможности бесконечно. *(Смеется.)* Подобрать

валяющийся в грязи жезл, оглянуться по сторонам — и вперед с гордо поднятой головой.

В чем ошибка Екатерины Второй? В том, что у нее не было ошибок. Абсолютизм предполагает парение. Что бы ты ни сделал, ты всегда прав. А если ты не прав, гвардия поправит. Весь восемнадцатый век — это правление в духе римских цезарей. А дальше — будь что будет.

Она убила мужа, она убила царя Ивана Четвертого, а ее внук убил ее сына. И в чем она была не права? (Смеется.) Все умерли, а система жива. Алгоритм становится все более изощренным. Но личность важна только вблизи.

Я вам показывал, как я бью чечетку? Тут такие полы у меня! И в этих туфлях, их когда-то Троцкий, прощельга, мне подарил. Я тут научился. Одиночество учит. Мавзолей. Какое эхо! Какой звук! Сейчас покажу.

Встает и начинает. Мы не засекали, но бил как минимум полчаса. Потом сел опять на стул.

Ассистент. Достаточно, Владимир Ильич! Я отключил трансляцию. Пойдемте примем ванну. И спать.

Ленин. Не дают совершенно плясать.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Екатерина, Потёмкин и Панин. В Зимнем дворце. Продолжают давно начатый разговор.

Екатерина. Как Европа реагирует на Пугачёва?

Панин. В шоке. Не знают, что думать.

Екатерина. Я писала Вольтеру, объясняла, советовалась. Он считает, что стабильность выше жестокости.

П а н и н . Я Гримму говорю то же самое. Вроде он транслирует грамотно.

Е к а т е р и н а (Потёмкину). Что скажешь, князь?

П о т ё м к и н . Жестко наказать всех. Казаков переименовать. Пугачёва на кол посадить.

Е к а т е р и н а . В кого казаков переименовать? В неказаков, что ли?

П о т ё м к и н . Ну хочешь, давай Яик в Урал переименуем. Лишим привилегий. И надо что-то делать с управлением, этот пласт воевод еще с царя Грозного не тянет. Спят, жрут и пьют.

П а н и н . И ебут кого попало.

Е к а т е р и н а . Ну хватит, разошлись, тут вам не баня. Совсем страх потеряли. Прикажу вас самих в острог. Ишь раздухарились.

П о т ё м к и н . И надо подключать агентов наших в Европе. Как Пугачёва поймаем, чтобы сообщали правду всем: вор, мол, и всё.

П а н и н . Делаем это уже.

Е к а т е р и н а . Гельбига можешь тоже использовать.

П а н и н . Спасибо, государыня, это большая подмога.

Е к а т е р и н а . И дознание. Дознание! Кто еще помогал. Не может быть, чтобы сами всё придумали.

П о т ё м к и н . Да не густо с помощниками. Если хочешь, по другим делам провинившихся сюда запишем.

Е к а т е р и н а . Вот ведь муженек с того света мстит.

П о т ё м к и н . Государыня, не печалься. Всё сделаем. И сыск, и казнь. Всё приборем и почистим. Всё будет как новое.

П а н и н . Ей-богу.

Екатерина улыбается.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Екатерина и чиновник Тайной канцелярии.

Екатерина. Нашли?

Чиновник. Так точно. Вот. Искать особо не пришлось — они не прятались, лежали на столе.

Екатерина. И это всё?

Читает письма.

Екатерина. Так значит, Разумовский. Ну, княжна! Нашла себе забаву прям царскую. У нас тут Разумовские кругом. И бойко пишут. И не только постель — их власть интересует. Сукины дети. Выжигать дотла. (*Чиновнику.*) Как у нее дела?

Чиновник. У княгини Дашковой роды третий день. Понятно — первенец. Но все же долго очень. Врачи боятся, что не спасут уж их. Надо избавляться от ребенка, тогда, быть может, княгиня выживет.

Екатерина. Скажите, чтоб не помогали. Пусть все идет своим путем. Понятно?

Чиновник. Яснее ясного, Ваше Величество.

Екатерина. Ступайте. Да, и отошлите эти письма Павлу. Пусть насладится.

Чиновник. Сей же час.

Уходит.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Екатерина и Фридрих Гримм, публицист. Вид на Неву прекрасно вдохновляет всех.

Гримм. Европа без ума от вас, императрица. Скучают там без наших новостей.

Екатерина. А что — уж с прежними разобрались? Как отнеслись к смерти княгини Натальи, например?

Г р и м м . За это бы не волновался. У нас в Париже до сих пор и Пугачёва прожевать не могут.

Е к а т е р и н а . Вольтер надежен, а Дидро, похоже, потихоньку отстает. А мы прилежно за его «Энциклопедию» платим. Надо бы легонько намекнуть ему.

Г р и м м . Я написал о том нашему общему знакомому издателю. Он разболтает всем. Докрутит от себя еще в придачу.

Е к а т е р и н а . Отлично. А какие отзывы о Дашковой у вас? Ведет себя достойно? Престиж державы не роняет?

Г р и м м . Шипит, пищит, но повозку тянет неуклонно и трон поддерживает. Репутацию блюдет. Тут нечего сказать.

Е к а т е р и н а . Польша?

Г р и м м . Да, государыня, Польша беспокоит всех. Руссо вас за это ненавидит. А Вольтер вот полностью на вашей стороне. В парламенте английском недовольны, юристы говорят о беспределе. Но в целом ничья.

Е к а т е р и н а . Нельзя ли здесь добавить огонька? Привлечь их перья в нашу пользу?

Г р и м м . Поляна узкая, но мы стараемся как можем. В целом нерешенных нет проблем. Вас уважают, ценят и боятся.

Е к а т е р и н а . Боятся — это хорошо. На таком фундаменте можно хорошо стоять.

Г р и м м . Так, в общем, и есть. *(Пытается улыбнуться.)*

Е к а т е р и н а . Ладно. В целом ты порадовал меня. Нет желания остаться тут подольше? Повыше послушать. Я дам вам всё, что пожелаете.

Г р и м м . Я год уж здесь бываю постоянно, но оттуда мне видней. И вам я полезней там.

Е к а т е р и н а *(пристально смотрит на него)*. Ладно, ступай покуда.

Гримм кланяется и уходит.

Е к а т е р и н а . Все своего хотят урвать. Да не вый-
дет. Я ничего уж своего вам не отдам, всё-всё оставлю
за собой.

Идет в уборную.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Екатерина с книгой в руках. Делает пометки. Входит чиновник Тайной канцелярии. Екатерина кидает ему книгу.

Екатерина. Узнайте всё и автора мне найдите. Тотчас!

Чиновник. Я вижу, вы тут помечали что-то. *(Читает название.)* «Путешествие из Петербурга в Москву». Путеводитель?

Екатерина. Не умничайте. Она разслана по адресам. Все экземпляры соберите. Все! Вы слышите? И чтоб немедленно был автор в кандалах. Его повесить прикажу я.

Чиновник *(смотрит, не моргая)*. Какие-то еще подсказки будут, государыня?

Екатерина. Трясите академию: возможно, это Дашкова балует. Ей с рук это не сойдет.

Чиновник. Хватать любого, не глядя на чины?

Екатерина. Да, любого. Ступайте. Что вы топчетесь? Ищите! Бегом — марш!

Через день.

Е к а т е р и н а . Радищев? Быть того не может. Я знаю его. Блестящий офицер. Учился — и стал опасней Пугачёва. Ну дела! Мир меняется так быстро, что ли?

СЦЕНА ВТОРАЯ

Е к а т е р и н а , Павел и Александр. Зимний дворец. Уже близко к концу, уже всеильный Zubov. И все дела идут как надо.

Е к а т е р и н а . Я приняла решение и хочу вас известить. Власть от меня перейдет к Александру. По этому поводу я подписала манифест.

П а в е л . Вот значит как? И чем не угодил я? Не так женился? Или жил вдали от вас, вам не мешая? Забыли просто про меня. И манифест, не глядя, подписали.

Е к а т е р и н а . Ты против? Я не поняла.

П а в е л . Нет, что вы. Воля ваша — закон. Простите за поток сознания.

А л е к с а н д р . Бабушка-императрица, право, я не знаю, что сказать. Вы ставите меня перед отцом в неловкое положение.

Е к а т е р и н а . Не переживай ты, Саша. Сын мой не способен нормально управлять. Он вспыльчив и упрям: два качества и по отдельности не очень, а вместе — никуда.

П а в е л . Все окончательно уж вами решено?

Е к а т е р и н а . Я тверда. Так и будет.

П а в е л . Я понял. Повинуюсь вам.

А л е к с а н д р . Смогу ли я оправдать твои надежды?

Е к а т е р и н а . Об этом уж не мне судить.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Зимний дворец. Спальня Е к а т е р и н ы . Она уже без сознания.
П а в е л и А л е к с а н д р у постели. Безбородко шарит по столам. Дает знак Павлу.

П а в е л . Ну?
Б е з б о р о д к о . Нашел.
П а в е л . Жди меня.

Подходит к Александру.

П а в е л . Манифеста не нашли пока, но ищут.
А л е к с а н д р (*подавленный горем*). Хорошо.

Павел выходит.

П а в е л (*Безбородко*). Дай сюда!

Безбородко протягивает лист.

П а в е л . Это точно всё?
Б е з б о р о д к о . Другого ничего я не нашел.
П а в е л . Гатчинцы пришли?
Б е з б о р о д к о . Да, посты расставлены. И внутри нас много.
П а в е л . Отлично, ждите.

Бросает бумаги в камин и возвращается в спальню.

А л е к с а н д р . Похоже, всё, скончалась. Сейчас врачи проверят.

П а в е л . Ну дела! Мужайся, сын. Теперь я император.

А л е к с а н д р . Разве?

П а в е л . А как? Я — сын. Манифест не найден. Гатчинцы кругом. И твой придет черед. Я изменю закон. Чтоб было все формально, без импровизаций.

А л е к с а н д р . Да, Ваше Величество. Теперь вы государь император!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Михайловский замок. Александр в своих апартаментах. С ним граф Пален и жена. Весело болтают о вчерашней премьере Шарля Дидло. Балет был превосходным, сказала великая княгиня, Александр кивал.

Пален. Ваше Высочество, пора, пойдете.

Александр. Действительно?

Пален. Уверен, что пора.

Александр. Ну что ж, идемте.

Поднимаются по лестнице в покои Павла. Навстречу Панин.

Панин. Император мертв.

Пален подхватывает падающего Александра.

Пален. Идемте, Ваше Величество! Гвардия ждет. Пора царствовать!

Вот так и замыкаются круги. А кажется, что камень тонет без последствий.

З а н а в е с

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«История любит повторять
понравившиеся ей сюжеты».

Ф. Энгельс

Примерно 1725 год. Пётр Алексеевич неожиданно умирает. Ну как неожиданно — внезапно. Ну то есть как внезапно — не оставив прямого указания, кому все достанется. А в России нет же ничего личного. Закона о наследовании достоверного на тот период времени нет. Но система и в этот раз не дрогнула.

Потом наступает 1727-й, а дальше и 1730-й. Всё по-разному и всё одинаково.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Екатерина I
Меншиков
Пётр II
Голицын
Долгорукий
Долгорукий-мл.
Ягужинский
Анна Иоанновна
Бирон
Шереметев
Апраксин
Остерман
Верховенский
Головкин
Толстой
Англичанин
Француз
Помещики
Чиновники
Ленин

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Дворец Меншикова. В большой зале на диванах сидят-лежат трое. Собственно Меншиков, он же светлейший князь. Ягужинский, командир Семёновского полка, и Апраксин, командир почти всего на свете, а особенно флота.

Ягужинский. Подкосил нас Пётр Алексеевич, осиротил и оставил без путеводителя. Да.

Апраксин. Что делать-то будем, светлейший?

Меншиков. А как всегда, ребята. Слабоумие и отвага нам в помощь. Помните, как бывало?

Ягужинский. Да, бывало. При нем-то хорошо было чудить, а без него как-то непривычно.

Меншиков. Привыкнешь. Царица у нас есть — Екатерина, какие могут быть сомнения? Она законная наследница.

Апраксин. А Петя?

Меншиков. Мал еще. И там свалка вокруг него. А мы сейчас Екатерину закрепим, а с ним потом разберемся.

Я г у ж и н с к и й . Лады.

М е н ш и к о в . Ты давай в казармы, выводил семей-
новцев и преображенцев. Продемонстрируем силу
и монолитность.

А п р а к с и н . Корабли в Неве есть. Построю эки-
пажи на палубах, выкачу пушки. Все увидят.

М е н ш и к о в . Ну, в общем, вас учить не надо.

А п р а к с и н . Надо-надо. И тебя надо, светлей-
ший. Не зазнавайся. Иначе нам всем будет туго.

М е н ш и к о в . Ладно. И побольше цинизма.

Апраксин и Ягужинский уходят. Меншиков встает у окна и смо-
рит на Неву. На душе у него беспокойно.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Дворец Петра, покои императрицы Е к а т е р и н ы . Входит М е н -
ш и к о в .

Е к а т е р и н а . Что скажешь, князь?

М е н ш и к о в . Ваше Величество, теперь вы им-
ператрица. Приказывайте.

Е к а т е р и н а . Уверен, что не нужна повторная
моя коронация? Достанет ли этого для всех?

М е н ш и к о в . Достанет, не переживайте. Гвардия
с вами, а что еще надо?

Е к а т е р и н а . Ну смотри, останешься ты, свет-
лейший, если что, с голой жопой.

М е н ш и к о в . Не шути так, матушка.

Е к а т е р и н а . Не называй меня так, что я — ко-
рова?

М е н ш и к о в . Ну зачем корова, ты шикарная
правительница, надежда наша и опора.

Е к а т е р и н а . Мне не хватает моего императора,
как я без него буду. Он был опорой нам всем. А что
теперь?

М е н ш и к о в . Всем трудно. Ну как-нибудь...
как-нибудь.

Екатерина. Не забывай: случится что со мной, тебя не станет мигом. Все точат на тебя клыки, всех ты обобрал. Попридержал бы похоть свою.

Меншиков. Обидно говоришь, матушка.

Екатерина. А кто тебе еще скажет? Пошел прочь, с глаз моих долой.

Меншиков *(с улыбкой)*. Конечно, государыня.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Меншиковский дворец. Большая гостиная. В ней сам князь. Входит лакей и докладывает о прибытии графа Шереметева.

Меншиков. Проси.

Шереметев *(входя)*. Приветствую, дорогой и светлейший князь. Спасибо, что нашли время среди тяжких трудов.

Меншиков. Полно, граф. Тут все свои.

Шереметев. Я хотел тут дело земельное одно утрясти и вообще понять, что да как теперь будет.

Меншиков. Земля за лояльность. Всегда так было. А как будет?.. Служим тем, кому служили. Ничего не изменилось. Она — законная императрица. Была коронованной в Успенском соборе соправительницей. Теперь будет править одна. Ты же был на коронации, граф?

Шереметев. Был, конечно.

Меншиков. Режим не изменился, и всем, кто думает иначе, с нами не по пути.

Шереметев. Может, все-таки сделать еще одну коронацию? На всякий случай.

Меншиков. Ни к чему народ возбуждать, а служивых от дел отвлекать.

Шереметев. Вам видней, светлейший! Вам видней. А как с моим делом? С землей? Мы же уже это обсуждали.

Меншиков. Ну раз обсуждали — решим. Готовь бумаги и приходи.

Шереметев кланяется и уходит. Меншиков опять у окна произносит свое любимое: «Вот суки».

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Меншиковский дворец. Князь в кабинете. Входит дворецкий. Докладывает, что к нему прибыл Верховенский.

Меншиков. Проси.

Верховенский. Добрый день, Ваше Сиятельство.

Меншиков смотрит бумаги, переданные посетителем.

Верховенский. Есть кое-что на словах.

Меншиков. Говори.

Верховенский. Слухи в целом нехорошие. В смысле — они никакие. Но фон...

Меншиков. А что фон?

Верховенский. Не артикулированное недовольство и даже разговоры о смене вех.

Меншиков. Даже так? И откуда ветер дует?

Верховенский. Долгоруковы, Голицыны, Шереметевы. Лояльны, но неустойчивы. Смотрят в основном на гвардию и на здоровье императрицы.

Меншиков. Будет прямое указание о наследовании. Что им еще надо?

Верховенский. Считается, что Вашей Светлости слишком много. Впрямую не говорят, но брезгливы.

Меншиков. Вот суки. Ладно, ступай покуда.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Балу Шереметева. Послы французский и английский у буфета. Случайно, абсолютно случайно столкнулись.

Ф р а н ц у з . Как настроение, милорд? Мы всё еще с Петербургом или опять с Москвой?

А н г л и ч а н и н . Мы там, где здешний двор. (Смеется.) Что думаете?

Ф р а н ц у з (не слишком любезно). Думаю, что ждет нас калейдоскоп.

А н г л и ч а н и н . Реально? (Ненавидит французов.)

Ф р а н ц у з . Ну а как? На чем все держится? На гвардии? Режим не опирается на институты и даже на закон.

А н г л и ч а н и н . Все зыбко, я согласен. Но что нам делать — мы лишь смотрим. Хотя б глаза мои не видели порой.

Ф р а н ц у з . Императрица нездорова, а значит, не надо быть очень умным, зная местные реалии, чтобы предположить, что заговоры уже плетутся, а под наследников копают.

А н г л и ч а н и н . А Меншиков? Он не допустит раскола, гвардия ведь с ним.

Ф р а н ц у з . Кто знает, может, вы и правы. Увидим. Ждать, я думаю, недолго.

А н г л и ч а н и н . Приятно было повидать вас, барон.

Ф р а н ц у з . Взаимно, капитан, взаимно.

Бал продолжается. Буфет наполняется.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Ораниенбаум. Меншиков и наследник Пётр (будущий Пётр II) верхом на охоте. Едут рядом.

Пётр. У вас хорошие лошади, князь.

Меншиков. Я их люблю.

Пётр. Я тоже.

Меншиков. Я вам присылал. И пришлю еще, из самых лучших.

Пётр. Спасибо.

Меншиков. Императрица подписала бумагу, по которой вы полноправный император после ее смерти.

Пётр *(скривился, но незаметно для Меншикова)*. Какая честь.

Меншиков. Она всё больше нездорова и не хочет, чтобы Россия осталась без власти хоть на минуту... Без законной власти.

Пётр. Понятна ее тревога. Но вы же обо всем позаботились, наверное. Мне не надо вникать?

Меншиков. Нет-нет, конечно. Постепенно я вас введу во все дела. И всё расскажу. Где надо, подстелю. Всё будет гладко.

Пётр. Не сомневался в вас. Вы столько лет служили императору. И теперь императрице. Кто может усомниться в вас.

Меншиков. Приятные слова. Спасибо. Вы не забудьте их уж, сидя на престоле.

Смеются. Кони топчутся.

Меншиков. Поехали скорее. Наверно, ужин уже готов.

Пётр. Согласен. Я голоден.

Пришпоривают коней.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Усадьба Голицыных где-то под Москвой. В гостях Шереметев. Заехал по-соседски. Ему рады.

Голицын. Граф, нечаянная радость! Какими судьбами. Мы ведь только виделись намерзши — и вот опять.

Шереметев. Князь, вы приглашали — я решил заехать. Хотелось все-таки поболтать о Петербурге, о дворе, о светлейшем князе.

Голицын. Вот вы какой приткий. Сразу быка за рога. Все вы, петровские, такие. Нетерпеливые.

Шереметев. Так продолжим как бы начатый, но прерванный разговор, когда наследника престола встречали. Помните?

Голицын. Ах да. У Долгоруких. Помню. Так новостей у нас нету. Это вы были в столице — расскажите.

Ш е р е м е т е в . Императрица болеет, светлейший правит.

Г о л и ц ы н . Может быть, темнейший?

Ш е р е м е т е в . Это как вам будет угодно. Я лишь хочу сказать, что и не близок я, да и не буду. Нам предстоит, я полагаю, череда потерь и превращений в империи.

Г о л и ц ы н . Может быть.

Ш е р е м е т е в . Так вот хочу сказать, что я всегда к услугам вашим.

Г о л и ц ы н . Взаимно это, граф.

Ш е р е м е т е в . Так я не буду отвлекать вас более. Поеду дальше.

Г о л и ц ы н . Не смею задерживать.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Зимний дворец. Е к а т е р и н а при смерти. В ее покоях появляется М е н ш и к о в .

М е н ш и к о в . Ну как ты, матушка?

Е к а т е р и н а . Да вашими молитвами. Плохо мне, и всё хуже и хуже.

М е н ш и к о в . Думаешь, я опоздал? Тяжело мне будет без тебя.

Е к а т е р и н а . Ты опоздал? Это я не знаю. А трудно будет — это точно.

М е н ш и к о в . Что делать мне прикажешь?

Е к а т е р и н а . Будь поближе к наследнику, что еще. В этом твоя сила. Иначе порвут сразу. Тебя ненавидят, и вполне справедливо. Я тебе не раз говорила. Ты их презираешь — и поэтому близорук.

М е н ш и к о в . Ну ладно-ладно. Все горазды советы давать.

Е к а т е р и н а . Надо мне было самой тебя прихлопнуть. Да пожалела. Но они справятся.

М е н ш и к о в . Они и пикнуть не смеют.

Е к а т е р и н а . Хорошо, коли так. Жени свою дочь на Петре. Единственный твой путь к спасению.

М е н ш и к о в . Ты знала?

Е к а т е р и н а . О чем?

М е н ш и к о в . Ладно. Пойду с медиками поговорю, да пару еще привезу. Может, они помогут. Заморские.

Е к а т е р и н а . Они все заморские, а толку — ноль.

М е н ш и к о в . Балы, балы.

Е к а т е р и н а . Пошел вон!

М е н ш и к о в . Всенепременно.

Уходит.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

А п р а к с и н и Д о л г о р у к и й . Жарко спорят об охоте. Выясняют друг у друга разные приемы при разных видах. Страшно друг другом недовольны.

А п р а к с и н . Князь, я понимаю, вы отменный охотник, но должен возразить.

Д о л г о р у к и й . Зачем нам ссориться?

А п р а к с и н . Согласен. Ну по рукам тогда, остались при своих.

Д о л г о р у к и й . Скажите лучше, как армия, как флот. Не надо ли помочь?

А п р а к с и н . Нет, у нас всего хватает, и лично князь светлейший за всем следит.

Д о л г о р у к и й *(смеясь)*. Все знаем мы, что человек он дотошный. И тем не менее. Почту за честь устранить какие-нибудь проблемы.

А п р а к с и н . Ценю. И буду помнить. Мы не чужие.

Д о л г о р у к и й . Вот и я об этом хотел сказать. Времена смутные опять. Мы можем быть полезны.

А п р а к с и н . Несомненно.

Растеряно расходятся. «Что это было?» — думает каждый из них.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Зимний дворец после коронации П е т р а II . Он только что вернулся из Москвы. Кабинет царя. Входит М е н ш и к о в .

М е н ш и к о в . Как вы ни заняты, вас надобно отвлечь.

П ё т р . Да отвлекайте сколько вам угодно.

М е н ш и к о в . Ваше Величество прекрасно осведомлены, как моя дочь любит вас и как она надеется стать вашей супругой.

П ё т р . Я не тороплюсь.

М е н ш и к о в . Никто и не спешит. О помолвке только и объявлено. Даты не назначены.

П ё т р . Я устал. Я не хочу.

М е н ш и к о в . Не хотите чего?

П ё т р . Продолжать этот разговор. Как наши дела, в порядке? Государство? Армия? Народ?

М е н ш и к о в . Всё в полном порядке, государь. Не беспокойтесь. Вам будет сделан доклад о состоянии дел.

П ё т р (не слушая). Ну вот и славно. Я устал. Ступайте и служите.

М е н ш и к о в . Слушаю, мой государь.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Меншиковский дворец. Князь в кабинете. Входят офицеры и чиновник.

Чиновник (*открывает папку и читает*). Указ Его Императорского Величества о лишении князя Меншикова всех титулов и состояний. Отправить в ссылку со всем семейством в город Берёзов. Если не подчинится — расстрелять.

Меншиков молча смотрит на вошедших. Дочитав, чиновник отдает указ Меншикову.

Меншиков (*беря бумагу*). Где император?
Чиновник. Он давеча уехал в Москву. Соберитесь, мы ждем.

Меншиков. Да-да, конечно.

По дворцу бегают слуги, плачут бабы. Звучат топоры и пилы. Так меняется эпоха. Слушайте все.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Мавзолей. Кабинет Ленина. И л ь ч опять проводит видеоурок.

Л е н и н . В чем причина катастрофы Меншикова? В тотальном непонимании масштаба процессов, происходящих при дворе. В обстановке, когда после смерти Петра старые элиты мечтают о реванше, он сидит сложа руки. Нет репрессий. А в такой ситуации не репрессировать ты — значит, репрессируют тебя. Третьего не дано.

В о п р о с о т с л у ш а т е л я . А если породниться с властью?

Л е н и н . Поздно. Надо было наследников возвращать сразу. В слое. Старом. А теперь? Теперь — всё.

В о п р о с . А...

Л е н и н . А люди, стоящие за Петром II, тотально хороши. Почему? Они лишь позволяют режиму меняться под новый баланс. Они ничего не придумывают, не морщат лоб, не строят из себя умных. Следуют за событием и дают ему свершиться. Вуаля!

В о п р о с ...

Но картинка уже пропала. Связь в мавзолее очень неустойчивая. Или вождь устал отвечать на дурацкие вопросы.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

П ё т р II в угодьях Долгоруких. Едут с И в а н о м , сыном хозяев. Другом и спутником.

П ё т р . Лошади у вас хороши и охоты знатные.

И в а н . Это что! Еще похлеще будут, когда подалее в земли заберем. Есть такие места...

П ё т р . Вот это прям как надо. Хочу так жить, а не в сраном Петербурге сидеть на ледовом флоте, на мостовых этих каменных, в сенатах этих. Разгоню всё к черту!

И в а н . Да ладно вам, Ваше Величество, пусть себе. Они там, мы тут. Они пусть своим занимаются и к нам не лезут.

П ё т р . Этого ж невозможно добиться! Я уехал, а они бумагами одолевают, развели какие-то учреждения, департаменты, коллегии. Проходу не дают.

И в а н *(смеется)*. Ну здесь-то не достанут.

П ё т р . Пожалуй. Давай на месяц на охоту уедем.

И в а н . Чего проще. Повелевайте!

П ё т р . Велю: завтра же и едем.

И в а н . Для вас всё и всегда готово.

П ё т р . Кого возьмем с собой?

И в а н . Так табор наш людей пятьсот. Иль больше. Всякий там найдется.

П ё т р . Отлично, как я рад.

И в а н . Давай к отцу заедем попрощаться.

П ё т р . Давай, я думал, мы у вас ночуем.

И в а н . У нас, но он в другом поместье сейчас. Тут рядом.

П ё т р . Вперед. Но ненадолго.

И в а н . На минутку.

Едут, едут, едут.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Голицын и Апраксин перед заседанием Тайного совета.

А п р а к с и н . Все-таки хорошо придумал Меншиков, светлейший князь, учредить Тайный совет.

Голицын . Как форма — хорошо. Но чем он ему помог? А почему? Не было проекции власти. Гнездо на ветру. Не спасает. А вот если наполнить содержанием, то есть осветить властью, тогда другое дело.

А п р а к с и н . Да, маленький Пётр не любил всё это, и поэтому мы сейчас в Москве с тобой разговариваем.

Голицын. Он не любил, и поэтому совет может пережить его только в случае, если выбрать царя. Именно выбрать. Чтобы совет правил от легитимности царя.

Апраксин (смеется). Мудрено говоришь.

Голицын. Но суть понятна. Ты согласен?

Апраксин. Выбирать? Так кто же будет против?

Голицын. Может, гвардия?

Апраксин. Им сейчас вроде всё равно.

Голицын. А как другие?

Апраксин. Кто ж их знает. Ты, князь, вопросы такие задаешь. Прямо тайным приказом пахнет. (Смеется.)

Голицын сначала не понимает, потом тоже смеется, а потом ухохатывается. Апраксин смотрит на него с отвращением.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Остерман и Долгорукий - старший обедают.

Долгорукий. Так что вы скажете, милейший?

Остерман. Бумаги ваши неплохи. Но, право, дайте же поесть.

Долгорукий (не слушая). У нас правители мрут так часто, что не знаешь, что же дальше.

Остерман. Ну, тут не я ваш советчик. Тут вы уж сами.

Долгорукий. А про кондиции что скажете?

Остерман (пожимает плечами). Князь, вам видней. Я лишь чиновник. Многим обязан — и вам, и им, и им. Вы понимаете?

Долгорукий. Ну вроде да, но не уверен.

Остерман. Вот видите.

Долгорукий. Но фрикасе неплох.

Остерман (оживляется). Да он прекрасен!

Долгорукий. Вот в чем ваш интерес. (Смеется.)

Остерман. А что нам остается — лишь споры о еде.

Долгорукий. Вы так привяжете меня, что я поважусь ездить к вам.

Остерман. Окажете мне честь. Всегда здесь рады вам, князь.

Долгорукий. Когда мне за бумагами прислать?

Остерман. На следующей неделе пусть подъезжают, всё готово будет.

И будет еще много-много полных тарелок и пустых фраз, пока они расстанутся.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Заседание Тайного совета, учрежденного еще Екатериной I с легкой руки Меншикова для снятия давления на него двора. Теперь этот институт хочет использовать Голицын в момент очередного кризиса династии.

Голицын. Мы много обсуждаем персон, но все они имеют изъяны и совершенно не подходят на фоне Анны Иоанновны.

Голстой. Да откуда вы ее выкопали?

Голицын. Давайте Елизавету или Анну, все-таки дочери Петра Алексеевича.

Долгорукий. Нельзя, что вы! Сразу нас всех отстранят. Мы не сможем навязать им наше мнение.

Головкин. А надо?

Голицын. Такой шанс грех упускать, ребята. Ну, Анна Иоанновна вне наших реалий. Без детей, без мужа. Идеальный кандидат для Тайного совета.

Долгорукий. Ну пожалуй.

Головкин *(пожимает плечами)*. Наверное.

О с т е р м а н . Меня не спрашивайте.

А п р а к с и н . Я болею очень, чего с меня взять, я думать о таком не в силах.

Г о л и ц ы н . В целом никто не против, а это главное в решениях совета. Утверждена кандидатура Анны Иоанновны.

Г о л о в к и н . Что дальше?

Г о л и ц ы н . Я подготовлю бумаги — и будем просить князя Долгорукова съездить в Митаву поговорить с будущей императрицей.

Д о л г о р у к и й . Да. И пусть она там при мне и Голицыне подпишет.

Г о л и ц ы н . Решено?

Все молчат.

Г о л и ц ы н . Решено!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Митава. Дворец герцогини Курляндской. Приезжает посольство Тайного совета.

А н н а . Я рада вам, господа.

Д о л г о р у к и й . Нас послал Тайный совет, чтобы мы предложили тебе, герцогиня, российский престол.

Анна долго молчит.

Д о л г о р у к и й . Анна Иоанновна!

А н н а . Тяжкий крест это, господа, а я слабая женщина.

Д о л г о р у к и й . Мы не оставим вас одну на этом поприще. Понимая трудности, Тайный совет готов помогать вам во всем. И более того — нести часть ответственности.

А н н а . Вот как? Это интересно.

Долгорукий. Ну так как, матушка, согласна ты?

Анна. Так дайте почитать бумаги. Наверное, они при вас.

Долгорукий *(протягивая ей кондиции)*. Вот они.

Анна читает, потом идет к столу, берет перо и подписывает.

Долгорукий *(страшно доволен)*. С вами приятно иметь дело.

Анна. С вами тоже. *(Бросает перо.)* Пойдемте обедать, господа.

Голицын смотрит на Долгорукова.

Долгорукий. Спасибо, Анна Иоанновна, но нам надо ехать.

Анна. Как знаете.

Голицын и Долгорукий выходят.

Голицын. Слишком легко как-то всё прошло.

Долгорукий. Так и должно быть.

Голицын смотрит на Долгорукого. Они садятся в карету и уезжают.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Там же. Анна и Бирон. Обедают.

Анна. Что скажешь?

Бирон. Надо быть императрицей. Кондиции порвать, и на кол всех смутьянов!

Анна. Ну ты горяч.

Бирон. Никак иначе. Сразу. Только так.

Анна. Думаешь, гвардия поддержит?

Б и р о н . Конечно. Что им до князей.
А н н а . Тогда быстрее в Москву. Там все пойдем.
Б и р о н . Конечно. Сами всё расскажут. Не дергайся и не спеши.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Псков. Курляндская герцогиня в России. Дом, отведенный ей на ночлег Тайным советом. Везде офицеры. К дому подъезжают местные помещики засвидетельствовать свое почтение.

П о м е щ и к и . Ты с ними, матушка, поостороже.
А н н а . С кем?
П о м е щ и к и . С нами. И с ними. (*Смотрят в сторону Москвы.*) Больно сильно умные они.
А н н а . Поняла.
А н н а (*Бирону*). Так везде, что ли, будет?
Б и р о н . Конечно.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Москва. Резиденция Анны Иоанновны. Еще не царицы, но уже и не курляндской герцогини. *Анна* принимает чиновника Остермана.

О с т е р м а н . Ну право, матушка, вы ропщете на прием совершенно зря.

А н н а . Они все ходят, ходят, бьют челом — а для чего?

О с т е р м а н . Хотят понравиться и службу себе справить.

А н н а . Они говорят все, что кондиции мне не нужны, что старые князья зарвались.

Остерман молчит.

А н н а . Гвардейцы тоже ходят и молчат. Что это значит?

Остерман . Раз ходят, значит, на тебя надеются, а раз молчат — приказа ждут. Всё в вашей власти будет скоро.

Анна . Я слышала, ты Меншикова в ссылку отправлял. Как? Было страшно? Трудно?

Остерман (*отводит глаза*). Я не могу вам говорить об этом.

Анна . Служака ты. Люблю таких. Ступай покуда.

Остерман . Желаю вам прекрасной коронации и царствования спокойного.

Анна . Спасибо. Всё. Давай уже, давай.

Остерман уходит.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Усадьба Долгоруких. В кабинете хозяин дома. Входят гвардейцы. Впереди чиновник.

Чиновник . По указу Ее Императорского Величества лишить всех титулов и состояний и сослать в Сибирь. (*Передает Долгорукому указ.*)

У Долгорукова на лице ужас.

Чиновник . Давайте, собирайтесь живо.

Долгорукий . Сейчас-сейчас.

В доме стучат уже молотки и визжат пилы. Готовится род Долгоруких в дальнюю дорогу.

Занавес

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Ежи Мнишек задолжал много денег. Но он был человеком предприимчивым, а рядом лежала страна в проблемах. Он решил прибрать бесхозную страну и решить свои проблемы как бы по ходу решения ее проблем.

Что из этого вышло? Ну, это детектив. Для начала он находит Дмитрия, сына Ивана Грозного, и женит его на своей дочери, а потом возводит их на российский престол. Хрупкость конструкции не смущала почти никого. Ни князей, ни бояр, ни мать Дмитрия, ни церковь, ни Успенский собор.

Все было в масть. Ну как тут не впасть.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ежи Мнишек
Марина Мнишек
Шуйский
Долгорукий
Голицын
Филарет
Михаил Романов
Дмитрий
Еще один Дмитрий
Минин
Пожарский
Одоевский
Марина Нагая
Гермоген
Шереметев
Трубецкой
Мстиславский
Бояре
Ленин
Малыш

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Где-то в Польше. Ежи Мнишек и его дочь разговаривают о будущем. Их будущем.

Марина. Ты, конечно, большой озорник, папа, но что будет, когда всё раскроется?

Ежи. Ничего не раскроется, если мы будем считать это правдой. По-настоящему. Именно на этом всё и будет стоять.

Марина. Ну я, допустим, смогу. А ты? Ты же слишком циничен для веры.

Ежи. Поменьше соплей и побольше женского. Много женского — узелки, завязочки, бантики, брошки, булавки. Утопи себя в этом.

Марина. А что будешь делать ты?

Ежи. Я буду с боярами и князьями показывать им их выгоды. Перспективы. Должности. Богатства. Титулы. Ну всё, как это и бывает.

Марина. Откуда ты знаешь, как бывает?

Е ж и . Как я выдумаю, так и будет. А значит, так и было. Что ты в самом деле, как твоя мать!

М а р и н а . Я не помню свою мать.

Е ж и (*смеется*). Зато я помню. А ты не помнишь, и это хорошо. Ты очень на нее похожа, и этого достаточно. Смотри в зеркало и представляй ее.

М а р и н а . Ты меня пугаешь.

Е ж и . Не бойся. Не будешь бояться — и не будет страшно. Всё просто, видишь?

М а р и н а . Вроде бы.

Е ж и . Ладно, отдохнули — и вперед.

М а р и н а . Вперед! Вперед — и никогда назад!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Ш у й с к и й и Д о л г о р у к и й . Где-то в Москве. В палатах каменных. Возможно, в Голицыных.

Ш у й с к и й . Ну что ты мнешься всё время, князь. Такие дела! Такие возможности! Сейчас вот Годуновы пали. Причем прям все. Это ли не чудо? Чуть Русь не уморили!

Д о л г о р у к и й . И что теперь? Чем стало лучше? Ты слишком шустрый, Шуйский. Много нахватал.

Ш у й с к и й . И тебе советую. Тут вот ко мне Мнишек приезжал. Просил поддержать царевича Дмитрия. Ты как?

Д о л г о р у к и й . Ну это же нелепая выдумка. Чудо спасения. Бред!

Ш у й с к и й . Может, да. Но чем нам хуже? Коронуем. Будет царь, а там посмотрим.

Д о л г о р у к и й . Поляки. (*Морщится.*)

Ш у й с к и й . Ну и что! Договоримся. Разделим по влиянию на всё.

Д о л г о р у к и й . Я посмотрю пока в сторонке.

Ш у й с к и й . Смотри не перестой. Но с Дмитрием согласен?

Д о л г о р у к и й . Против не буду.

Шу й с к и й . Ну и ладно. Хорошо. Пойдем, князь, покажу тебе я упряжь новую свою.

Д о л г о р у к и й . Давай, похвастайся, оттаешь.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Царевич Дмитрий, Мария Нагая и бояре. Обсуждают коронационные мероприятия.

Б о я р е . Мария, так сын ли это твой? Скажи нам.

М а р и я Н а г а я . Да, это сын, кровиночка моя.
(Плачет.)

Ц а р е в и ч Д м и т р и й . Как я рад, что снова вместе мы. Что ты жива, здорова.

Б о я р е . Тогда назначим день венчания на царство. Когда ты хочешь?

Ц а р е в и ч Д м и т р и й . Не хочу откладывать, быстрее как возможно.

Б о я р е . Народ собрался, просит, чтоб ты вышел.

Ц а р е в и ч Д м и т р и й . Обязательно. Пойдем все вместе. С народом мы должны стоять.

Б о я р е . И в Думу к нам мы тоже ждем тебя.

Ц а р е в и ч Д м и т р и й . Я буду обязательно. И скоро.

М а р и я Н а г а я . Дай обниму тебя опять.

Ц а р е в и ч Д м и т р и й (обнимает ее). Потом наговоримся, мама.

Бояре, царевич и Нагая идут на балкон. Внизу толпа. При виде Дмитрия начинает реветь. Все плачут.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Царь Дмитрий и Марина Мнишек. Перед совместной коронацией. Она жена и царица.

М а р и н а . Все-таки как-то всё впопыхах. К чему спешка?

Д м и т р и й . Я ждал слишком долго.

М а р и н а . Сейчас торопливость некстати. Народ не сильно любит тебя, про себя вообще молчу.

Д м и т р и й . Ты знаешь, почему. Поляки твои давят. И отец твой, и король. Они не получили, как им кажется, того, на что рассчитывали. И ты — напоминание об этом.

М а р и н а . А почему ты не объяснил, что не ко времени всё это? Бояре недовольны. Мы — католики. Попы в народе мутят. Что ты молчишь?

Д м и т р и й . Как я скажу? Кому? Им всем легко, сидят там, в Польше, в ус не дуют.

М а р и н а . Они не понимают настроений.

Д м и т р и й . Вот именно. Но всё это херня. Ведь ты, любовь моя, становишься царицей. Не чудесно ли это?

М а р и н а . Чего-то мне не кажется, что это хорошо. И вовсе не возбуждает.

Д м и т р и й . А я?

М а р и н а . А ты подавно.

О б а смеются, идут закусить, потом в постель, потом опять к столу. Гормоны всё спрямляют.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Ш у й с к и й и М н и ш е к и после расправы толпы над царем Дмитрием. Мнишеки пойманы и под арестом в одном из домов Шуйского в Москве.

Ш у й с к и й . Ну как вас кормят?

Е ж и . Да неплохо.

М а р и н а . Как, Шуйский, ты нетерпелив. Убьешь нас?

Ш у й с к и й . К сожалению, нет. Хочу я через вас с Речью Посполитой договориться. Вы теперь актив.

Е ж и . Ты деловой. Я знал всегда. Но почему ты рвешься к власти сейчас? Момент неподходящий.

Ш у й с к и й . Стихия, мы в потоке. И вы, и я. Мы все под давлением судьбы.

М а р и н а . О, как заговорил!

Е ж и . Ну ладно: как всё будет?

Ш у й с к и й . Вас отправлю в Ярославль, подальше от толпы, а там посмотрим, как пойдут договора.

Е ж и . Мы можем сами.

Ш у й с к и й . Отпустить? Нет. Вам сейчас нет веры. Уйдете налегке? Так не пойдет.

М а р и н а . Ты слишком верткий, князь.

Ш у й с к и й . Я не князь уже.

М а р и н а . Я — царица, не забывай.

Ш у й с к и й . Я не забуду, ты забудь. Всё. Я пошел. Наш разговор окончен. Без глупостей себя ведите.

Е ж и . Спасибо, царь.

Ш у й с к и й . Так лучше.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Царские палаты. Москва. Ш у й с к и й стоит у окна. Давно стоит. Думу думает. Входит ч е л о в е к и докладывает о прибытии митрополита Ростовского Филарета.

Ш у й с к и й . Зови.

Входит Ф и л а р е т .

Ф и л а р е т . Ну здравствуй, царь.

Ш у й с к и й . Вашими молитвами.

Ф и л а р е т . Я приехал. Чего звал?

Ш у й с к и й . Давай мощи Дмитрия переносить, смуту закрыть надо. Покажем, что давным-давно уже нет Дмитрия с нами.

Ф и л а р е т . Как прикажешь. Ты — царь.

Ш у й с к и й . Перестань меня тыкать. Я — царь. Знаю, ты тоже хочешь. Родовитый ты. Но не судьба тебе, больно хитрый.

Ф и л а р е т . Подождем, еще не вечер.

Шу й с к и й . Утро уже, проснись.

Ф и л а р е т . Ладно-ладно, не бушуй. Мы все из-мазались в аферах Мнишека, давай не будем портить себе нервы.

Шу й с к и й . Тогда иди и делай.

Ф и л а р е т . Здрав будь, царь.

Кланяется и уходит. Шуйский смотрит ему вслед. Дует губами. Потом плюет.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Мнишеки в Ярославле. Дом. Вечер. Гонец от Шуйского.

Г о н е ц . Приказывают вам собираться. Вот указ. Вас включили в договор с Польшей. Завтра выезжайте.

Е ж и . Отличная новость. Хочешь выпить?

Г о н е ц . Не откажусь.

Е ж и *(наливает ему из бутылки)*. Что нового в Москве?

Г о н е ц . Мир. Конец войне.

Е ж и . Я это понял. Что на деле?

Г о н е ц . Бояре всё не ладят меж собой, и Шуйского ругают.

М а р и н а . А кто там среди бояр самый главный?

Г о н е ц . Мстиславский, говорят, и Трубецкой.

М а р и н а . Нас вспоминают?

Г о н е ц . Но вот же вспомнили. Отпускают вас. Свобода.

М а р и н а . Свобода — штука спорная для нас. Я ведь царица.

Е ж и . Ну не начинай. Молчать мы обещали.

М а р и н а . Кому?

Е ж и . Ну кому — Шуйскому.

М а р и н а . А боярам мы не обещали.

Ежи наливает еще. Марина подходит поближе. Вечер обещает быть долгим.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Ежи Мнишек и Дмитрий II. Царские покои в Тушине.

Д м и т р и й . Спасибо, что приехали.

Е ж и . Ну, выбора у нас не было. Мы ехали домой — в Польшу.

Д м и т р и й . Домой никогда не поздно.

Е ж и . Вы не похожи на мужа моей дочери.

Д м и т р и й . Я болел. Я обгорел при пожаре, когда чудом спасся от толпы. Рад, что и вы спаслись. Марина здорова?

Е ж и . Царица? Да.

Д м и т р и й . Сыграем еще раз?

Е ж и . В то же самое? За сколько? В прошлый раз так ничего я и не получил.

Д м и т р и й . Мы с Мариной обвенчаемся, и всё будет по закону. Вам отступные — как отцу.

Е ж и . Интересно. Но за Марину я решать не могу. Это ее жизнь.

Д м и т р и й . Я уже люблю ее.

Е ж и . Она об этом еще не знает. *(Смеется.)*

Д м и т р и й . Может, и знает уже. Я послал ей пару подарков.

Е ж и . Я поговорю с ней и вернусь.

Д м и т р и й . В любое время.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Мнишеки в своих покоях.

Е ж и . Ну что мы теряем? Мы в плену де-факто. Можем продолжить прерванную игру. Уехать нам не дадут.

М а р и н а . Всё это плохо кончится. Я знаю.

Е ж и . Если знаешь, то поторопись.

М а р и н а . Поторопиться в чем?

Е ж и . Красиво жить поторопись. Он даст тебе сейчас всё. Надолго ли? Кто знает. Разбойники нас могли убить в любой момент. Нам падает в руки удача.

М а р и н а . Что-то всё время мимо рук.

Е ж и . Заткнись, непутевая.

М а р и н а . Я твой джокер, так что не груби мне, папенька. А то сбегу в Москву к боярам.

Е ж и . Там ждут тебя?

М а р и н а . Может быть, и ждут. Тебе на горе.

Е ж и . Ладно, не страдай. Я выполню всё, что ты захочешь. Закроем все долги и будем жить.

М а р и н а . Да-да, я жить хочу. Я очень жизнь люблю. Но весело чтоб было.

Е ж и . Я знаю.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Покои патриарха. Входит гонец.

Гермоген. Ну, что за весть?

Гонец. Дмитрий назначил Филарета патриархом.

Гермоген. Вот даже как. Романовы уже кругом. И с этой стороны, и с той. Ладно. Ступай.

Гонец уходит.

Гермоген. Скажите, каково! И что нам делать тут теперь?

Открывается дверь, входит боярин Романов.

Гермоген. Входи. Я ждал тебя.

Романов. Давно ли?

Гермоген. С тех пор, как заимел ты патриарха собственного в семье.

Романов. А, ты об этом. Так я узнал сейчас, как и ты. Подумал, надо до тебя мне ехать и говорить с тобой.

Гермоген. О чем? Его я проклян — и всё.

Романов. Не делай этого. Ведь там всё не все-ръем, ты понимаешь.

Гермоген. Это как смотреть.

Романов. Оставь нам шанс. Мы вдруг спасемся от напасти и еще послужим. А если ты клеймо позора нам оставишь — тогда всё.

Гермоген. Чудовищная просьба у тебя. Как мне с ней жить, если я ее исполню? И не исполню — тоже не усну. Ты рубишь пополам.

Романов. Прошу не за себя. Подумай, не спеши.

Гермоген. Ступай. Спешить не буду, обещаю.

Романов целует руку Гермогену и уходит.

Гермоген *(глядя на руку свою)*. Вот прощельга. Не знаю, как мне быть.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Филарет и Марина Мнишек. Даже непонятно до конца, как они смогли пересечься. В Тушине. В коридорах бесконечного конгломерата построек, называемых царским дворцом.

Филарет. Кого имею честь я видеть?

Марина. Вы Филарет? Пастырь?

Филарет. В какой-то мере — да. А вы царица наша?

Марина. А вы же пленник, кажется?

Филарет. Мы все на земле пленники. Иллюзий, гордыни, злых замыслов или добрых помыслов. Все мы в плену друг у друга.

Марина. О, вы мыслитель. Жаль, мы не встретились пораньше. Прислушалась бы я.

Филарет. Послушать никогда не поздно.

Марина. Так говорите.

Филарет. Бегите. Не живите жизнь чужую. Вас лишь используют. И бросят вас в огонь, коль приспеет случай. Вы поняли?

М а р и н а . Давно я это поняла. Но скучно мне, досадно и обидно. Поэтому я здесь. Я не в плену, я лишь в игре. Чем кончится? Я знаю. А вы?

Ф и л а р е т . Я знаю лишь отчасти. Всё в случае порой, но у меня еще и проведение. Я Богу своему слуга и проповедник. И местоблюститель. Земля моя со мной. А ваша?

М а р и н а . Нет моей. А впрочем, вот хоть эта. Моя ли? Иногда моя.

Ф и л а р е т . Вы в прошлый раз лишь чудом же спаслись. Не ставьте на него опять.

М а р и н а . Вы злой, идите к черту!

Ф и л а р е т . Вот сразу видно — разные по вере. Да Бог судья вам. Я пошел, прощайте.

М а р и н а . Злитесь понапрасну. Не попадайтесь больше мне вы на глаза.

Филарет смотрит на нее, но она не видит этого взгляда. Она увидит много таких. Не сейчас. Потом.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Заседание Боярской думы — вернее, с е м и б о я р — в попытке решить, кого приглашать на царство: поляков или ребят из Тушина. Из себя выбрать было невозможно.

Т р у б е ц к о й . Мы все понимаем, как ненавистен нам сброд из Тушина. Мы это всё недавно проходили, и не получилось ничего хорошего.

Г о л и ц ы н . А чем лучше поляки? Более нам понятны. И что из этого? Разве мы хотим, чтобы они нами правили?

М с т и с л а в с к и й . Ну, править, положим, будем мы.

Р о м а н о в . Это как пойдет, тут не угадаешь, но я согласен, что польский король нам как-то ближе, нежели Дмитрий из Тушина.

Ш е р е м е т е в . Но он не православный. А у нас и так два патриарха.

Р о м а н о в . Тут конфликта нет.

Т р у б е ц к о й . Давайте что-то решать. Отправим посольства туда и туда? Или только полякам?

М с т и с л а в с к и й . Давайте — туда и туда. И решим по итогу или как время покажет.

Р о м а н о в . Времени немного, и еды мало.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Д м и т р и й и М а р и н а в своих покоех. Утро или вечер, точно не понять. Сумерки, в общем.

Д м и т р и й . Вот посольство от бояр. Что скажешь?

М а р и н а . Им верить нельзя.

Д м и т р и й . Это понятно. Но наши действия какие? Брать Москву силой? Иначе — разброд и шатание. Давно войска стоят без дела. Скоро начнутся бунты.

М а р и н а . Надо бежать, пока не поздно.

Д м и т р и й . Пожалуй. Отойдем и найдем новый ветер поддержки недовольных. Их много будет всегда. Вопрос в правильном их обустройстве.

М а р и н а . Красиво говоришь.

Д м и т р и й . Ты со мной?

М а р и н а . До конца.

Д м и т р и й . Тогда ты должна знать обо мне кое-что.

М а р и н а . Что же?

Д м и т р и й . Я не Дмитрий.

Оба смеются. Падают на кровать. Бурная сцена страсти. Эротика по самочувствию.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Мавзолей. Кабинет Ленина Владимира Ильича. Очередной урок для изучающих институты и власть.

Ленин. Так вот, дорогие мои, если смотреть на так называемое Смутное время. Само это понятие мутное до невозможности. Его придумали не историки, а пропагандисты типа Уварова или по их заказу. Период после смерти Ивана Грозного можно назвать периодом поиска идентичности для власти, она в ту пору прыгала, как мячик, из рук в руки, но некая система уже прощупывалась. Рой, так сказать, уже был, но алгоритма еще не было. Поэтому и сбой, которые мы видим.

Слушатель. Но позвольте, Владимир Ильич! Это же свобода — отсутствие алгоритма.

Ленин. Нет, голубчик, отсутствие алгоритма — это случайность, а свобода — это наличие ресурса и права, его защищающего.

Слушатель. А как же власть? Она что — не свободна?

Ленин. Ну почему. Вот Марина Мнишек была свободна, пока не связалась с властью. А ее сын и вообще не знал, что он жил. Так рано его повесили.

Слушатель. Варвары.

Ленин. Нет, они охранители. Была ошибка, сбой, они ее поправили. Ну, как смогли.

Слушатель. Но они ведь свергали тех, кого сами выбирали.

Ленин. Именно. Это показывает, насколько несовершенна была власть в те годы. Ее механизм держался на мнении толпы, а это максимально нелепо.

Слушатель. Одни и те же люди выбирали мнимых царей, приглашали чужих царей и потом выбирали опять. Откуда у них было столько права, столько легитимности?

Ленин. Легитимность не дают, ее берут. Это инстинкт власти. Коридор возможности. Функция именно в этом — понять возможность. Шуйский

понял и попробовал. Бояре, Дмитрий, Филарет, ну и, конечно, Одоевский — все молодцы.

С л у ш а т е л ь . Не совсем понимаю.

Л е н и н . Уничтожение символа есть символ. Какой вывод? Получаешь власть — получаешь имя. Для власти имя не важно. Она всегда останется. С вами или с кем-то другим. Но имя может попытаться стать властью — и это, конечно, порок...

Связь, как всегда, прервалась внезапно. Мавзолей — там так много всего.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Минин, Пожарский и Одоевский где-то под Москвой, в лесу, у костра. Пожарский лежит на расстеленном покрывале, рядом с ним сидит Одоевский, ест из котелка.

М и н и н . Вам-то, князь, непривычно в таких условиях.

О д о е в с к и й (*утирая усы*). Это даже мило.

П о ж а р с к и й . Вот скоро возьмем Москву, будем в кроватях ночевать.

О д о е в с к и й . Кто тебе сейчас не дает? Поехали, у меня тут имение рядом.

П о ж а р с к и й . Ну мы же в походе.

О д о е в с к и й . Понимаю.

М и н и н . Вы слишком сложные, вы не понимаете логистики войны. Мы не можем не поддаваться унификации. Тогда всё легче, и дешевле, и быстрее. Снабжение — это кровь войны.

О д о е в с к и й . Вот видишь, князь, тут и без нас разберутся. Поехали!

П о ж а р с к и й . Поезжайте, князь. Я, пожалуй, останусь, я люблю походы. Раньше не понимал, а теперь полюбил.

Одоевский уходит. Минин смеется. Пожарский качает головой.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Пожарский, Одоевский, Трубецкой решают созывать Земский собор для выбора нового царя.

Пожарский. Надо решать что-то.

Трубецкой. Соберем Земский собор, что еще?

Одоевский. Кого будем выбирать?

Трубецкой. Мы князя — князей и будем.

Народ после Дмитриев не примет неродовитых.

Пожарский. Согласен. Пусть Минин займется приготовлениями, он очень хорош в этом.

Трубецкой. Я не против.

Пожарский. Давайте только без интриг.

Трубецкой. Так не получится, наивная душа.

Интриги — суть всего процесса. Ведь очевидных кандидатов нет. А значит, будут сговоры.

Пожарский. Обидно. Вроде ж всё очистили от скверны

Одоевский. Так скверна не вовне, а в нас.

Пожарский. Обидно говоришь.

Трубецкой. Зато правдиво.

Одоевский. По коням, братцы, надо дело делать.

Разъезжаются.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Где-то в Москве, в палатах каменных. Иван Романов (брат Филарета и дядя Михаила Романова, участник правления бояр, свергнувших Шуйского, законного на тот момент царя) и Шереметев обсуждают ход Земского собора. К избранию все ближе Михаил.

Шереметев. Пожарский кличет за Голицына. Того, что в плену.

Романов. Пожарский — хороший вояка, но муж никакой. Не понимает самости власти. Не нам чета, боярам опытным и древних родов.

Шереметев. Ты-то опытный, конечно, мы все с тобою заодно.

Романов. Ой ли? Что-то единства пока немного. Я знаю, кто-то и к Маринке ездил. Ее позвать хотели.

Шереметев. Неужели? Наверное, казаки Трубецкого.

Романов. Казаки — неудобная сила для нас. Их много разных. Как их причесать, не знаю.

Шереметев. Так знает Филарет.

Романов. Он далеко.

Шереметев. Но имя близко. И привилегии, и земли.

Романов. Разумно говоришь.

Шереметев. И главное — простит им смуту.

Романов. Государственно ты мыслишь. Не забуду. Ступай теперь, я Трубецкого жду, не надо, чтобы он видел нас вместе.

Шереметев. Прощай.

Романов. Увидимся мы скоро.

Ш е р е м е т е в . Я еду повидать святых отцов.

Уходит. Романов сидит, уставившись в пол. Потом встряхивает головой и трет лицо руками.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Урал. Постоялый двор. Изба. Марина Мнишек и князь Одоевский.

М а р и н а . Ты воевода знатный. Ты бьешься до конца. Ты победил. Что дальше?

О д о е в с к и й . Мне велено доставить вас в Москву.

М а р и н а . Избрали нового царя, я вижу, и верно служите ему.

О д о е в с к и й . Собор решил, не я.

М а р и н а . Дай мне уйти. Я лишь исчезну, не буду на виду.

О д о е в с к и й . Да я бы рад, но сын твой — сей грех нельзя оставить на свободе.

М а р и н а . Его ж убьете вы теперь. Тебе не жалко неразумное дитя?

О д о е в с к и й (*шипит*). Так не рожала б. Не было бы вовлеченных в грех.

М а р и н а . Какие ж вы все бляди. Служить готовы хоть кому.

О д о е в с к и й (*выпрямляясь*). Я не елозил, чтоб ты знала. Многие предали тебя, не я.

М а р и н а . Спаси.

О д о е в с к и й . Окончен разговор. (*Солдатам.*) Закуйте и ее, и прихвостня ее в железо и везите строго. И не дай бог что с ним случится. Шкуру со всех спущу.

М а р и н а . Гори в аду.

Одоевский молча смотрит на нее. Не моргая. Потом выходит.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Кремль. Палаты каменные. Представители Боярской думы у царя.

Царь. Бояре, что за дело?

Шереметев. Привезли Заруцкого, Марину и сына ее.

Царь. Исполнен наш указ — отлично.

Шереметев. Одоевский исполнил, князь.

Царь. Что дальше?

Трубецкой. Заруцкого на кол, Марину в монастырь, сына ее повесить.

Царь (*в ужасе*). Вот прямо так?

Романов. Да, и сделать всё публично. На Красной площади казнить Заруцкого. А у ворот на площади повесить малыша.

Пожарский. Иного выхода, похоже, нет. Иначе смуту мы не успокоим.

Шереметев. А нам и царство наше надо защищать не только изнутри, но и снаружи. Поляки жмут.

Пожарский. Да, там всё плохо, я сейчас оттуда. Владислав считает себя нашим королем.

Шереметев. И у него в плену много наших отменных людей.

Царь. Я знаю.

Трубецкой. Надо быстро делать, пока раздумья новые не пошли вокруг. Нам тут под боком их не надо.

Царь. Ну делайте тогда. Не будем медлить. Я за корону не держусь, но люди — мне они доверили покой оберегать, и я мудрить не стану.

Бояре. Быть по сему.

Уходят. Царь один. Дрожит и молится. Но ничего не помогает. Ходит из угла в угол. Снаружи крики. Бросился к окну.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Марина и малыш. Едут по Москве.

М а л ы ш . Что это так красиво светится?
М а р и н а . Не знаю.
М а л ы ш . Я есть хочу.
М а р и н а . Вот хлеб — пожуй.
М а л ы ш . Попить бы.
М а р и н а . Ну потерпи.
М а л ы ш . Мне холодно и страшно.

Марина крепче прижимает его к себе.

М а р и н а . Поспи.
М а л ы ш . Нас убьют? Меня?

Обнимаются. Малыш целует ее. Кибитка останавливается. Дверь открывается, солдат выхватывает ребенка. Он вырывается и ревет.

М а р и н а *(опускает руки)*. Прости меня.

Малыш уже не слышит. Дверь закрывается. Кибитка едет дальше. Всё медленнее. Толпа кричит. Дверь открывается — и какие-то морды орут: «Смотри, смотри, твое отродье болтается в петле!»

Марина не смотрит. Она лежит, откинувшись назад. Удар или припадок.

З а н а в е с

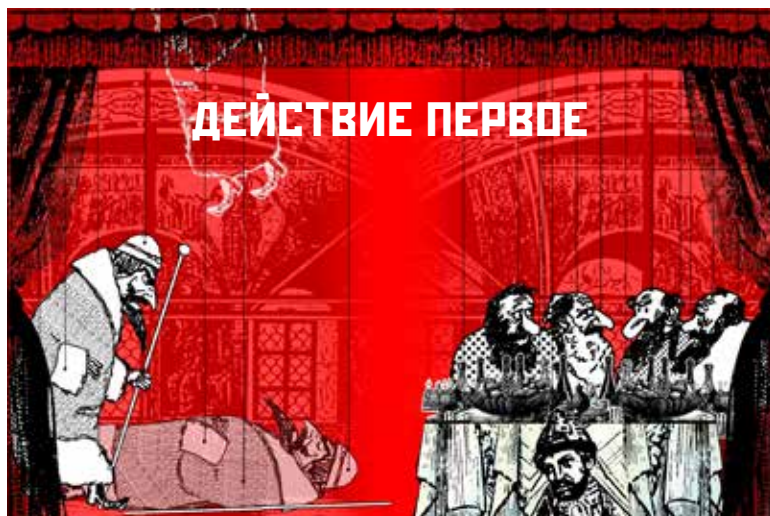

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Полвека правления Ивана Грозного подходят к концу. Элиту бил-бил — не добил, семью бил-бил — тоже не добил. Половинчатые результаты остаются на руках сына Фёдора, его жены Ирины и брата жены Бориса Годунова. Им придется как-то жить со всем этим. И они делали это как могли.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иван Грозный
Годунов
Шуйский
Голицын
Шереметев
Долгорукий
Фёдор
Ирина (Годунова)
Бельский
Романов (Филарет)
Мстиславский
Иов
Трубецкой
Битяговский
Флетчер
Ленин
Бояре

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Грозный, как обычно, в своих палатах. Один, сам с собою беседует.

Грозный. Я всех вроде ослабил, я многих перебил, никто не может мне перечить. Да и не мог никто. Так почему так муторно и пусто? Не может быть, что я ошибся где-то. Или мне кажется, что я переборщил и надо больше или правильной молиться? Я в этом не горазд. Я действую спонтанно, наугад, лишь под воздействием текущих ощущений. Всё из-за них. То подозрения, то косые взгляды всю кровь мне кипятят и заставляют кровожадным быть. Всё из-за страха, я всего боюсь, и крови перемешано во мне уж слишком много. И Рюрик, и Мамай, и византийские цари воют в голове моей, не спрашивая моего соизволения. А-а-а, задолбало все. Все брошу, в монастырь. А бабы? Вот племя нерадивое. И всё нолят поперек, всё не так им, интриги, расстройтва.

А в результате я — изверг. Убийца. Но я ли причина? Нет, это они. Доводят меня до греха. Ладно.

Открывает двери. Зовет Бельского. Собираются играть в шахматы.

Грозный. Что, Бельский, надеешься ты обыграть меня?

Бельский. Когда ж такое было?

Грозный. Да третьего вот дня. Пришлось прервать игру, а то бы проиграл я.

Бельский. Случайность. Если б не прервались, вы бы выиграли, царь.

Грозный. Ехидна ты.

Бельский. Как можно!

Грозный. Я всех твоих извел. Один ты. Не засышь?

Бельский. Не я один. Есть Годунов. Он верный вам.

Грозный. Он родственник мой теперь. Его не трогай. Он виртуоз и многое решает сам.

Бельский. А я не знал. Ему теперь легко, когда мы многих осадили. Притихли все и верно служат.

Грозный. Это видимость. Еще полно работы.

Бельский. Ну, вам видней.

Грозный. Чего-то плохо вижу. Скажи, чтоб принесли еще свечей.

Бельский уходит, а когда возвращается, находит царя лежащим на полу. Бросается к нему.

Бельский. Он умер. Все сюда!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Фёдор и Ирина. Будущие теперь царь и царица.

Ирина. Неожиданно как-то это все.

Фёдор. И зачем это нам? Я могу отказаться. Есть ведь еще Дмитрий, он законный вроде сын, да?

Ирина. Он совсем младенец.

Фёдор. Ну и ладно. Пусть твой брат, отличный служащий, будет регентом.

Ирина. Думаю, никто не согласится.

Фёдор. Так никого и нет: отец всех или убил, или сослал, или постриг. Он даже опричников своих не пожалел, один вот Годунов твой и остался. Пусть отдувается за всех.

Ирина. Так нельзя. Тебе так вера не позволит поступить.

Фёдор. Глумишься.

Ирина. Жалею.

Фёдор. Ладно, давай с Борисом мы поговорим сначала, а уж потом решим. Посмотрим, что он скажет. Ему я доверяю, как тебе.

Ирина. Он не подведет. Наверное.

Фёдор. Надеюсь.

Подходят к домово́й церкви.

Фёдор. Давай помолимся, жена.

Ирина. Обязательно и много.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Фёдор, Ирина и Борис Годунов.

Годунов. Ну что, Фёдор, теперь ты царь, дождался наконец.

Фёдор. Да я не рвался, отец был всем тут, мы старались незаметно жить.

Годунов. Я знаю, но теперь расправить плечи пора и дело делать.

Фёдор. Мне с Богом ближе.

Годунов. Само собой, но нас не бросишь ты.

Фёдор. Я хотел просить тебя, чтоб ты устроил так, чтоб мне не становиться здесь царем. Но вот Ирина говорит, что я обязан.

Ирина. Я лишь сказала, что он царь по праву и не должен отказаться. И что мы попросим тебя, Борис, чтобы ты страну занимался, как и при государе Иване.

Годунов. Я помогу, конечно, будем вместе, ведь мы семья.

Фёдор. Спасибо. Если так, то я согласен попробовать ярмо нести. Иль крест. Но многого не ждите от меня.

Годунов. Мы много сделаем хорошего — увидишь. Не будешь ты жалеть, что согласился.

Фёдор. Надеюсь.

Ирина. Потерпи, все будет хорошо.

Годунов. Ну, я пошел приготовления делать. Определим мы с Думой день. И с патриархом надо повидаться. Чтоб всё путем, без недоразумений состоялось.

Фёдор. Мы будем за тебя молиться.

Ирина. Заходи почаще.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Годунов и бояре: Шуйский, Трубецкой, Романов.

Годунов. Есть возражения у кого-нибудь на право Фёдора Иоанновича быть следующим царем, наследовать отцу?

Шуйский. Помилуй бог, конечно, он по праву.

Трубецкой. Да это счастье — короновать его.

Романов. Ну, нам особо не из кого выбирать, царь Иван почти что всех извел — и Рюриковичей, и других.

Годунов. Я вижу, ты гордыню не смирил? Все топчешься в передней рая. Дождешься.

Романов. Не пугай, куда уж дальше — за Можайск загнали. Но против Фёдора я не пойду — он царь по праву.

Годунов. Ну вот и хорошо. О большем не прошу. Пойдемте к патриарху. Пусть он слово скажет, и будем мы тогда готовиться к венчанию на царство.

Шуйский. Да, мудрый патриарх сейчас не повредит. Нам надо укрепиться в вере. После правления одного к другому перейти.

Трубецкой. Пошли уже. И хватит причитать. Единство наше нечего словами мазать. Все понимают свой резон, так нечего тут ваньку нам ломать.

Шуйский (с обидой). Да кто ты есть, чтобы оценивать мои слова.

Годунов. Всё-всё, пошли. И хватит богохульства.

Выходят. Романов смотрит с ненавистью на всех князей, но этого они не замечают, хотя и так знают, что почем.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Шереметев, Трубецкой и Голицын в гостях у Шуйского.

Шуйский. Ну что, ребята, мы выжили, и это ль не прекрасно. Я стол накрыл и вас позвал.

Шереметев. Решил проверить, кто из нас быстрее настучит Борису? Так не тупи, он и без нас узнает. Он человек системный. На последовательностях мыслях Грозного научен.

Голицын. Ты прав, боярин. Но и Шуйский прав. Полегче будет нам теперь сочиться между струй.

Трубецкой. А смысл какой?

Шереметев. Всё как обычно — выжить.

Шуйский. Что думаете вы про сына Грозного от Марии Нагой?

Голицын. Пустое, он не признал его.

Ш у й с к и й . Так нам какое дело? В нем кровь царя Ивана. Запасной ремень.

Т р у б е ц к о й . Ты думаешь препятствия создать для Годунова? Хитро.

Ш у й с к и й . Я пока не думал. Посмотрим, как пойдет у Фёдора. Возможно, он и сам додумается. Ну а если нет — подскажем.

Г о л и ц ы н . Я вижу, жажда приключений в тебе еще жива, Василий. Все скука для тебя, ты жаждешь власти. Нас не приплетай.

Ш у й с к и й . Зачем же вас — Романов у меня для этого же есть. Он главный враг теперь у Годунова.

Т р у б е ц к о й . Он?

Ш е р е м е т е в . Самый родовитый. Ну да, скорей всего, ты прав.

Т р у б е ц к о й . Посмотрим, что получится из этого у вас.

Ш е р е м е т е в . Я ни при чем.

Г о л и ц ы н . И я.

Ш у й с к и й . Вот вы даете.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Борис и Иов беседуют в Боярском приказе. Тут любит работать Годунов.

Годунов. Ну как вам новая кафедра — не жмет?

Иов. Спасибо. Ростовская кафедра — главная. Самая почтенная.

Годунов. Я поздравляю. И вопрос имею: не пора ли отделиться от Константинополя и собственное патриаршество иметь? Сколько можно жить под ними. Гораздо меньшие народы и страны имеют своих патриархов. Вам не с руки, я понимаю, а мне легко. Иеремия будет вскоре. У нас переговоры, то да се.

Иов. Дело не в величине, а в святости.

Годунов. Так что — у нас святости недостает?

Иов. Нет, почему же, у нас ее вполне хватает. Но мы должны свой дух взрастить.

Годунов. Нет, вы скажите: может, рано нам?

И о в . Я сам об этом много думал. Возможно, и не рано нам, но надо посоветоваться с иерархами нашими. И царя спросить не грех, он очень много принимает в делах церкви.

Г о д у н о в . Не должен был вопрос вам этот задавать, царь Фёдор должен был бы с вами говорить об этом. Но я хотел всего лишь мнение узнать. Как видно, поспешил я, извините.

И о в . Давайте я поговорю с другими митрополитами, а вы — с царем. Тут спешка ни к чему. И есть еще вопрос очень тонкий: кто будет первым патриархом? Здесь и позиция Константинополя важна. И хорошо, что именно в Москве мы сможем с Иеремией говорить.

Г о д у н о в . Так а я про что!

И о в . Случай говорить о патриаршестве сам в руки к нам идет.

Г о д у н о в . А я о чем толкую! Поэтому я речь-то и завел.

И о в . Вы опытный, не зря вас царь Иван так привечал и разными заботами заниматься позволял. И Фёдор, я смотрю, вам доверяет

Г о д у н о в . Так мы семья.

И о в . Я понимаю.

Входит дьяк и говорит, что прибыли купцы из Лондона, письмо с ними от королевы. Ждут.

И о в . Пора делами заниматься.

Г о д у н о в . Как будто мы бездельничали.

И о в . Отнюдь. Благослови вас бог. Пошел я, и вам заботы.

Г о д у н о в . До скорой встречи, я надеюсь, столь же не праздной.

Иов уходит. Годунов встает и ждет, когда зайдут те англичане, о которых говорил дьяк.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Царские палаты. Фёдор и Годунов разговаривают.

Фёдор. Мне кажется, мы должны опираться на мнение Константинопольского патриархата, к коему мы все принадлежим. Нужна ли нам своя патриархия, я не знаю. Бог ведь один. И Константинополь, хоть и тяжело ему, есть наша общая духовная обитель.

Годунов. Всё так. Но государству твоему нужна стабильность, а она идет через развитие его частей. Через самостоятельность, союзность и соборность. Духовенство должно иметь своего владыку, он будет подпирать тебя, служить духовным камертоном, давать оценки и ругать отступников, врагов. Сие установление для нужд государства необходимо.

Фёдор. Ты складно говоришь, но слишком ты земной. Ты слишком думаешь о хлебе насущном. Может, для народа это хорошо, а для духовного горения — не очень.

Годунов. За духовное ты отвечаешь.

Фёдор. А если так — я против. Мне нравится Иеремия, патриарх Константинопольский.

Годунов. Он скоро будет здесь.

Фёдор. Я с ним поговорю, услышу его мнение. Если он будет нам рекомендовать отделиться, тогда может быть, я и соглашусь.

Годунов. О большем я и не просил.

Годунов Уходит. Фёдор кусает ногти, смотрит в пол и шумно дышит. Идет к Ирине.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Палаты царские в Кремле. Царь Фёдор и Борис Годунов.

Фёдор. Иеремия — добрый пастырь, и тяжело ему под турками. Теперь я понимаю, что мы должны помогать ему, но и отдалиться нам необходимо. Предпринимайте всё необходимое.

Годунов. Всё можно совершить до патриаршего отъезда. Иеремия готов еще у нас погостить. Ему мы многие подарки сделали, и он доволен.

Фёдор. Я хочу, чтоб Иов стал патриархом, и пусть Иеремия его венчает.

Годунов. Согласен с вашей волей. И митрополиты все за него.

Фёдор. Мы не должны тут полагаться на их волю. Это наш выбор. Смотрите не на них, а на меня.

Годунов *(улыбаясь)*. Ну разумеется. Они мне кто?

Фёдор. Вот-вот, не забывайте. Ростовская кафедра — главная перед патриархом, будет и дальше так. Кто там, тот следующий на патриаршее служение. Тогда будет предсказуемость у нас.

Годунов. Разумно. Так и будем поступать. Тогда я побежал все исполнять.

Фёдор. Вперед, а я молиться стану. И пусть Иов придет, чтоб мы поговорили.

Годунов. Разумеется.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Лагерь под Нарвой. Перед взятием Ивангорода. Царь Фёдор, Борис Годунов, Фёдор Романов, князь Мстиславский и прочие воеводы.

Фёдор. В случае успеха сейчас необходимо заключить перемирие, вернуть часть наших земель. Как думаете?

Годунов. Так и сделаем. Думаю, шведы согласятся. Им тоже сейчас несладко. Мы добились больших успехов.

Фёдор Романов. Полагаю, надо высылать гонцов и договариваться о встрече.

Фёдор. Вот ты и займись. *(После паузы.)* Вместе с Борисом, конечно. *(Трясет коленом.)*

Мстиславский. Надо только теперь поднажать и взять Ивангород хотя бы.

Фёдор. Нарву, Нарву будем брать.

Годунов. Конечно-конечно. По возможности и Нарву возьмем. Но важнее вернуть Копорье, Ям и прочие земли.

Фёдор Романов. Для польских переговоров важно.

Фёдор. Быть по сему, продолжаем осаду. Глядишь, скоро и управимся.

Годунов. Патриарх прислал свое напутствие для нас очередное. Он говорит, что наш престиж поднялся до небес, когда мы вышли из-под турок.

Фёдор Романов. Еще бы. Османов мы не могли дальше терпеть, и царь наш мудро поступил, и обошлось недорого.

Фёдор. Не умничай смотри.

Фёдор Романов. Да я чего, я лишь в поддержку.

Царь Фёдор сжимает кулаки. Борис Годунов выпроваживает всех.

Фёдор. Вот суки.

Годунов. Ну а кто они, не люди же, очнись.

Фёдор. Да знаю я, но гнев порой сильнее. Скажи им: я прощаю.

Годунов. Они не держат зла.

Фёдор. Ой ли?

Годунов. Да ладно, я пойду, вы отдыхайте.

Уходит.

Фёдор *(шепчет)*. Все суки.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Ирина и Борис. Оба Годуновы, но одна — царица, а другой — что-то типа премьер-министра.

Ирина. Ну что, Борис, ты всем доволен? Мы правим хорошо? Нет ли изъянов?

Борис. Хозяйство привести в порядок легче, чем в головах порядок навести. Знать наша сильно потрепалась в боях с опричниной и хочет мести. Расправить плечи и получить свое.

Ирина. Ну ты же лучший на хозяйстве. Ты со всем сам справишься. Не хочешь же ты Фёдора во все это погружать?

Борис. Сестра, я погружать не буду, если ты пообещаешь шашни прекратить с Романовым.

Ирина (вспыхнув). Да это наговоры. Иль сам он треплется. Нет ничего и быть не может. Мне и с моим Фёдором хорошо, зачем мне другой.

Борис. Ну, они же братья.

Ирина. Но не родные.

Борис. Завязывай, и я забуду.

Ирина. Ты мне не указ.

Борис. Как хочешь. Будет по-плохому. Я знаю всё. Ты знаешь, у меня везде глаза и уши.

Ирина. Но ты его ведь не убьешь? Не надо, я прошу.

Борис. Я не убью, а надо бы.

Ирина. Что требуется от меня?

Борис. Не пускать его к царю. Все остальное сделаю я сам.

Ирина. Хорошо, считай, я прекратила с ним всякое общение.

Борис. Вот узнаю сестру. Знакомый прагматизм и воля. Договорились, стало быть. Я возвращаюсь в лагерь, мир, похоже, близко.

Ирина. Храни тебя Господь.

Борис. Я на себя надеюсь.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Дом Бориса Годунова. Хозяин принимает Джайлса Флетчера — посла английской королевы Елизаветы Первой.

Годунов. Ну как вам тут у нас? Все ли комфортно? Нет ли каких просьб? Устроены вы хорошо?

Флетчер. Да, спасибо. Все так любезны здесь со мною. Немного царь ваш на меня серчал, но я надеюсь, мы как-то это сгладим.

Годунов. Я постараюсь, но и вы попридержите нрав. Культурные разночтения дорого в торговле могут стоять.

Флетчер. Мне говорили. Я согласен. Да. Вот, кстати, и вопрос у меня есть, пока не перешли к практическим делам.

Годунов. Я слушаю.

Флетчер. Фёдор Иванович не мешает вам? Вы кажетесь всё понимающим боярином-правителем. Иль как вас величать действительно?

Г о д у н о в . Ну так и вы поймите границы мои. И не лезьте в чужие правила. Мы только-только начинаем. Вот отошли от Константинополя немного, вот начинаем с вами торговать. Надеюсь, мы забудем старые непонимания.

Ф л е т ч е р . Неведомая сила в вас таится, но непонятна мне природа власти тут у вас. На чем она стоит?

Г о д у н о в . От Бога власть наша. Лишь в этом весь резон и древность ее происхождения.

Ф л е т ч е р . Но ведь тогда вы рост свой замедляете, людям умным проходу не даете. Как пользу принесут они?

Г о д у н о в . Я этим занимаюсь, не спешите. Увидите и наш вы прагматизм. Народ наш слишком суеверен. Но я тенденцию переломлю.

Ф л е т ч е р . Желаю в этом вам удачи.

Г о д у н о в . Давайте к дьякам. С вами встретимся мы скоро и все решим, что требуется, чтобы расширить наши торговые пути и чтоб купцы работали на благо. Торговля чтобы шла без всяческих препон.

Ф л е т ч е р . Это было бы очень хорошо.

Г о д у н о в . Пойдемте же обедать.

Ф л е т ч е р . Готов.

Г о д у н о в . И там продолжим наши философские беседы.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Фёдор Романов разговаривает с дьяком Михаилом Битяговским — тем самым, который был приставлен смотреть за Марией Нагой и ее сыном в Угличе.

Р о м а н о в . Ты все никак в толк не возьмешь, о чем толкую я тебе.

Б и т я г о в с к и й . Да, очень вы туманно говорите.

Романов. Я говорю тебе, что Дмитрий — не жилец. Его обязательно изведут или Годунов, или Шуйский. Затем и посылаем мы тебя, чтобы ты не допустил всего этого.

Битяговский. Боярин, я это понимаю. Мне сто раз уж все другие это объяснили. Чего же хочешь ты — я не пойму.

Романов. Все смерти маленькому Рюриковичу желают. Ведь если он умрет, то Рюриков род закончится. Царь Фёдор без детей. Нет больше мальчиков.

Битяговский. Я это понимаю. Я же говорил.

Романов. Я думаю, тебе будут всякое сулить за то, чтобы его не стало. Я же хочу дух твой укрепить и заплатить тебе, чтоб ты не зарился на их посулы.

Битяговский. Вот это да. Теперь я понял. И много ль дашь?

Романов. Вот двести рублей здесь. *(Показывает мешок.)*

Битяговский. Ух ты. Теперь мы Рюриковича точно сбережем.

Романов. Следи построже.

Битяговский. Не сомневайтесь.

Романов. Жду вестей.

Битяговский. Услышите.

Уходит. Фёдор Романов сидит, ему не по себе, он что-то шепчет, но не слышно, что. Наверное, молитву.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Мавзолей. Кабинет Ленина. Лекция по истории.

Ленин. Годунов — совершенно особенная статья. Это деятель, который заложил основы того, что мы есть теперь. Ну, по крайней мере, пытался. Не довел до конца, но подходил к вопросам функционирования госаппарата последовательно, выстраивал

систему. Он интуитивно нащупал все то, что в будущем мы воплотили в жизнь.

Казус Дмитрия? Да, сопротивление хаоса, бывает, принимает довольно болезненные формы. Здесь и события в Угличе, и события в Кремле, где толпа растерзала сына Годунова — Фёдора. Замечу: законного царя. Хаос мстит, а своевременно не причесанная субъектность отдельных личностей придает этой мести самые отвратительные формы.

Но если систематизировать социум, это дает правильные плоды. Постриг Романова дает Филарета, которому удастся сохранить сына и учредить династию. Которую уже смела только революция, окончательно утвердившая порядок алгоритма.

Алгоритм детерминирует, что не отменяет случайности. Которая украшает жизнь, делает ее менее скучной, веселит социум и заставляет алгоритм дальше эволюционировать.

Грозный? Создатель хаоса. Того состояния народа и знати, из которого появился рой, который, в свою очередь, начал искать алгоритм. Обращение царя Ивана к коллективному бессознательному ускорило развитие государства и вообще позволило государству начать осознавать себя государством. Власть зажала своей жизнью.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Заседание бояр после получения вестей из Углича.

Г о д у н о в . Что ж вы, суки, натворили? Решили так царю Фёдору показать, какие вы молодцы? Мало вас царь Иван драл, надо было сильнее. Он не доделал. Значит, придется мне за него.

Ш у й с к и й . Ты чего, боярин, на нас бочку катишь? *(Оглядываясь на других.)* Кто хотел худого для Дмитрия?

Г о л и ц ы н . Я ни при чем.

Трубецкой. И я. Клянусь!

Хор. И мы.

Годунов. Сейчас надо там на месте разобраться. Там ниточки найти. Кого пошлем?

Тишина.

Годунов. Давайте Шуйского. Он расторопный.

Хор. Отличная идея. Князь справится.

Годунов. Не медли, князь, тогда ждем тебя с вестями. Действуй жестко. Но помни: нам нужны ответы. Что я царю скажу?

Шуйский кивает и выходит. Бояре шумно спорят друг с другом. Годунов смотрит на них, и взгляд его тяжел. Очень плохо он на них смотрит.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Царские палаты. Царь Фёдор и Годунов.

Фёдор. Думаешь, его убили нарочно?

Годунов. Альтернатив не вижу.

Фёдор. Опасно это все.

Годунов: Я распорядился усилить твою охрану, государь.

Фёдор. Да, это хорошо. Но как народ отреагирует? Пойдут бунты?

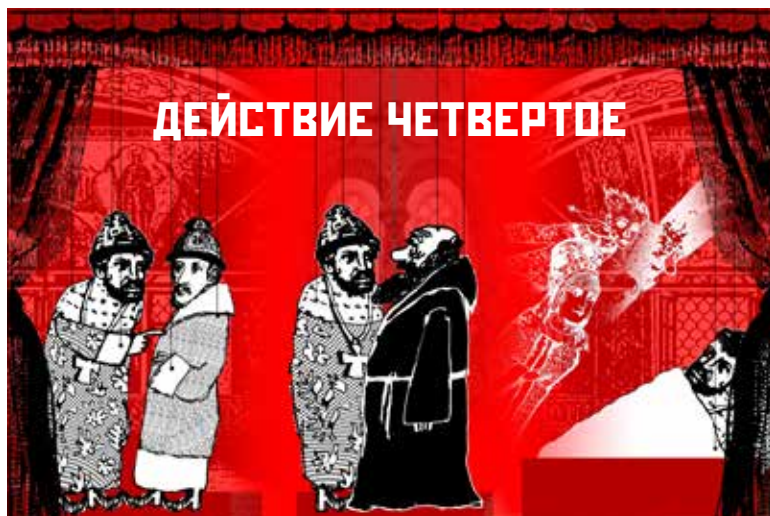
Годунов. Позволим поначалу. Пар выйдет, и закрутим всё.

Фёдор. Сможем?

Годунов. Однозначно. Даже если это заговор, он не достигнет цели. Правлению вашему ничего не грозит.

Фёдор. Пусть будет так. Пойду молиться.

Годунов. А я займусь счетами.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Годунов и Шуйский.

Годунов. Рассказывай.

Шуйский. Дмитрий ранен ножом много раз. Умер сразу. Дьяк, поставленный надзирать, растерзан толпой. Мария Нагая молчит и все время плачет.

Годунов. Похоже, мальчик неосторожно играл с ножом. Взрослые вокруг все виноваты, особенно мать. Ее в ссылку отправить. Дьяк уже наказан.

Шуйский. Несчастный случай, я тоже так считаю.

Годунов. Закрыто дело. Так государю и доложим. Несчастный случай. Соберем бояр. Ты им расскажешь правду.

Шуйский. Конечно.

Годунов. А настоящего мы говорить не будем. Про то, кто дьяка этого в Углич отправлял.

Шуйский *(смотрит в пол)*. Бояре согласятся.

Годунов. Пусть попробуют иначе поступить.

Ш у й с к и й . Да что ты, что ты, все скажут так, как я. Не сомневайся.

Г о д у н о в . Романов тоже? *(Смеется.)*

Ш у й с к и й . Он самый первый будет подтверждать. Он пуще всех замазан.

Г о д у н о в . То-то.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Царские палаты. Государь и Годунов.

Ц а р ь Фёдор. Но он мне брат ведь.

Г о д у н о в . Так бывает. И если ты не вырвешь эту гнить, она тебя погубит.

Ф ё д о р . Но убивать!

Г о д у н о в . Но он убил.

Ф ё д о р . Я в этом не хочу равняться.

Г о д у н о в *(вздыхает)*. Ну хорошо, давай хоть пострижем в монахи.

Ф ё д о р . Тяжело, но что поделаешь.

Г о д у н о в . И в дальний монастырь.

Ф ё д о р . Делай.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Монастырь. Вводят Фёдора Романова, уже остриженного и в рясе.

Г о д у н о в . Теперь ты Филарет, так патриарх решил.

Р о м а н о в . Я всегда Романов. Первый я Романов. Тебя не будет, буду только я.

Г о д у н о в . Гордыня у тебя на диво. Отличный двигатель тебя и всюду, и везде.

Р о м а н о в . Мы были Захарьящевы, но от Романа род. Поэтому теперь Романовы мы.

Г о д у н о в . Ступай, монах, служи. Мы свидимся едва ли. Я выполнил лишь Фёдора волю. Он не успел. Поэтому я сам.

Р о м а н о в . Ты царь теперь. *(Разводит руками.)*
А я монах. На все лишь воля Божья.

Годунов со свитой выходит. Романов стоит среди монахов. Все молчат.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Г о д у н о в болеет, у него п а т р и а р х .

И о в . Ну как ты, государь?

Г о д у н о в . Бояре, суки, хотят все развалить. Державу разнесут. Питают Лжедмитрия. Шуйский вот теперь считает, что он выжил, и Нагая с ними.

И о в . Я прокляну его.

Г о д у н о в . Давайте вместе как-нибудь исправим кривизну пути.

И о в *(вздыхает)*. Да, хорошо бы.

Г о д у н о в . А Филарета ты зачем на кафедру возвел?

И о в . Он подкупает всех, и все бояре за него хлопочут.

Г о д у н о в . Ну прямо все?

И о в . Ты всех объединил. Своею правдой и радением за державу. Им это всё не надо, они свою лишь выгоду готовы охранять.

Г о д у н о в . Ты не сдавайся им, не потакай.

И о в . Стараюсь я свои силы укрепить, но слаб человек.

Г о д у н о в . Кому мне верить?

И о в . Судьба, судьба сама все приведет в порядок.

Г о д у н о в . Судьба. *(Погружается в раздумья.)*

Иов уходит. Годунов этого не замечает.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Там же. Годунов в бреду. Видения мерещатся ему.

Филарет. Твой Фёдор, сын, — недолго царствовать ему. Путь короток. Конец твоим делам.

Ирина. Прости мне, брат, и слабость, и надменность. Я мало помогала после смерти мужа. Прости, прости, прости.

Шуйский. Мы будем править. Мы — знатные бояре. Мы — князья. Лишь только нам такой удел, а не таким, как ты, простым и не имеющим родовитых предков. Мы — соль земли.

Лжедмитрий. Взойду я на престол, который ты так охранял. Ты мой убийца. Я теперь отмщен. Народ на справедливость падок, правда не нужна ему. Ты этого не понял. Здесь правят сказки, а не правила и нормы.

Флетчер. Дикая страна, а вы, боярин, чужды этой природе.

Годунов приходит в сознание, зовет сына.

Годунов. Никому не верь. *(Хотел сказать «Беги» на самом деле.)*

Занавес

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

«Независимо от того, какие воспоминания вы храните о прошлом в настоящее время, прошлое, как и будущее, неопределенно и существует в виде спектра возможностей».

Стивен Хокинг

ПРЕДИСЛОВИЕ

Бурное (стремительное) развитие искусственного интеллекта и нейронных сетей привело к тому, что президенты стали контролерами. Система стала искать способы взаимодействовать с Сетью. Провайдеры становились не менее влиятельными, чем администраторы, а Ленин получил новое поколение чипов. Борьба за мавзолей продолжилась, ибо Система не могла уступить ключевой элемент. А Сеть не имела рефлексии, она просто развивалась.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ленин

Троцкий

Администраторы всех мастей

Генерал

Олигарх

Профессор

Хакер

Контролеры

Тютчев

Тургенев

Провайдер

Стелла

Толстой

Чехов ltqcnodb

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Мавзолей. Ну, кабинет Ленина. Владимир Ильич пишет в Библиотеку Конгресса США и просит соединить его с аккаунтом Александра Гамильтона. Его соединяют.

Ленин. Извините, что беспокою вас, голубчик, но мне надо посоветоваться, а поговорить решительно не с кем.

Гамильтон. Мне самому скучно до жути, так что валяйте, голубчик. Без церемоний. Что у вас?

Ленин. Да вы понимаете, уперлись в такую вечную проблему — кто правит? Сейчас этот вопрос доведен до абсурда с развитием нейронных цепей. И теперь Система наша столкнулась с необходимостью выяснять отношения с Сетью, которая, собственно, является провайдером чувственных идей. И вот непонятно, что дальше. А у меня, знаете, мавзолей. Который, очевидно, мне придется отдать при любом варианте. Вопрос: кому?

Гамильтон. Глыба вы, а не человек. Вот вы даете. Наковыряли эпическую драму. Супер. Спасибо,

что выбрали меня для разговора. У меня встречный вопрос: а как, по-вашему, Сеть обладает рефлексией?

Л е н и н . Сам не понимаю. С научной точки зрения — не должна. Наши постулаты гласят, что она не может быть выше человека в умственном развитии. Вот тут еще вопрос — провайдеры. Уполномоченные Сетью люди, представляющие ее интересы, в том числе коммерческие, по предоставлению услуг связи и хранения данных. Когда-то они эту Сеть и растили, а теперь непонятно, кто у них главный.

Г а м и л ь т о н . Прямые противоречия курицы и яйца. Прелесть какая. Принципы первородства безумны, их надо отбросить, иначе — сумасшедший дом и повисшие навсегда проблемы.

Л е н и н . То есть вы считаете, что мы должны считать Сеть субъектом?

Г а м и л ь т о н . А как иначе? В противном случае вам придется доказывать свое неоспоримое преимущество. Сможете?

Л е н и н . Есть одна идея. Отключение Сети от питания. Ее продвигают люди нашего Контролера, но мне она не кажется до конца продуманной, поэтому я и волнуюсь.

Г а м и л ь т о н . А как вы будете осуществлять деятельность без Сети? Это возможно?

Л е н и н . Суверенитет? Не представляю. Считается, что рубильник в наших руках и угрозой отключения можно чего-то добиться. Вопрос: чего, собственно? Ведь, опять же, мы с вами не это обсуждаем. Мы обсуждаем, кто правит, а не как добиться статуса.

Г а м и л ь т о н . Нет, как раз это. Если вы с помощью рубильника или каким-то другим способом добьетесь подчинения от Сети, ответ на вопрос вы получите. Мне-то интересно другое. Ну, победили вы — что дальше?

Л е н и н . Вот вы какой. Гнете этот буржуазный идеал. Для пролетариата важен сам вопрос о власти, а не что потом. Большевики — они потому и большевики. Всё и сразу. Построение — это другая задача.

Г а м и л ь т о н . Там у вас, похоже, или память перегружена или скорость упала — несете какую-то окоlesiцу.

Л е н и н . Как хотите. У меня ничего не упало, спасибо за беседу, я с вами прощаюсь, ореувар.

Г а м и л ь т о н . Вот ведь взбалмошный балабол. Оцифровка явно не всем идет на пользу.

Всё гаснет.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Сочи. Резиденция Контролера. Зал для совещаний. Присутствуют: Контролер, администраторы (Тихий, Комсомолец и еще один — с неизвестным прозвищем), Генерал, Прокурор и некоторые великие люди Системы.

К о н т р о л е р . Хочу сегодня поговорить про наши отношения с Системой: каким образом нам дальше выстраивать эти отношения и как добиться того, чтобы мы сами решали, с какой скоростью распределять электронные блага нашим гражданам.

Г е н е р а л . Если можно, я скажу. Провайдеры совершенно распустились, они диктуют нашим дата-центрам всё. Все параметры практически под их контролем.

П р о к у р о р . А как вообще Сеть стала Сетью? Я еще помню времена, когда институт Генерала вполне заменял нам нынешнюю Сеть в работе узлов Системы. Когда появилась эта безысходность?

К о н т р о л е р . Давайте без экскурсий в прошлое и заламывания рук. Прессы нет. По существу прошу.

Администратор Тихий. Нынешняя Сеть была создана и развита Олигархом. На определенном этапе по согласованию с Контролером мы перевели на нее поддержку функционирования наших узлов. В настоящее время зависимость от решений Сети стала критической. Это правда. Но до сего времени никаких проблем у нас не было. Выполнялись все наши пожелания. Провайдеры шли нам навстречу всегда.

Администратор Комсомолец. Я хочу сказать: мы всегда отстаивали наши интересы и сейчас вполне можем отстоять, если потребуются. Давайте не забывать, что рубильник в наших руках. Мы можем обесточить Сеть. Но для этого нам нужно понять, справятся ли собственные ресурсы, смогут ли заменить ресурсы Сети.

Администратор без имени. Решение, конечно, лежит не в технической, а в политической плоскости. Мы обязаны думать о приоритетах.

Контролер. У нас один приоритет — наши граждане. Для того чтобы о них позаботиться, должна функционировать Система. Четко и без сбоев. Это понятно?

Все. Конечно, понятно.

Представитель ЦБ. Неплохо бы в рамках подготовки вариантов решения этой проблемы проконтактировать с другими системными игроками, да и с несистемными тоже.

Прокурор. Ух, шустрые какие. Слить всё хотите. Не выйдет.

Представитель ЦБ. Мы ведь не будем тут дискуссию открывать?

Прокурор (*кривляясь лицом*). Разумеется.

Контролер. Поступим так. Собираемся через неделю и принимаем решение. Перед этим все заинтересованные стороны присылают мне свои

предложения и аналитику, если она есть. На это три дня. Идите работайте.

Свет гаснет. Слышна ругань, но тихая. Вежливая.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Администратор Тихий и Провайдер. Пьют кофе где-то на Арбате или около. Разговор переходит на существо дела.

Провайдер. А чего вдруг вы встрепенулись? Вроде все равно у нас.

Тихий. Да один... как бы это сказать... ну, скажем, равнодушный... ну, ты понимаешь... накатал записку, отправил Контролеру. Тот его вызвал. Он порассказал баек, и вот так примерно всё и взвилось.

Провайдер. Понятно. И что теперь?

Тихий. Теперь ты должен мне подбросить аргументов, которые убедят Контролера не делать резких движений и оставить всё как есть. На волю волн.

Провайдер. Это без проблем. Нужны какие-то формальные уступки, заверения в преданности или что?

Тихий. Всё это и еще чего-нибудь посущественней.

Провайдер. Я подумаю.

Тихий. Два дня. Не больше.

Провайдер. Вы шустрые.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Профессор (это тот, который, по словам Тихого, «добежал» и поднял переполох) и администратор Комсомолец. Где-то за городом. На даче. Едят клубнику и чем-то запивают.

Профессор. А насколько ваши ресурсы готовы к замене Сети?

Комсомолец. Нина сколько. Это же разные лиги.

Профессор. Seriously? Год назад вы мне другое говорили.

Комсомолец. Погорячились.

Профессор. Тебя в таком случае надо менять. Зачем горячие, когда нужны холодные. Эра низких температур. Проблема серверов в охлаждении, а вы горячитесь.

Комсомолец. Ну, на тот момент наши сервера были перегретыми, а мы не поняли. Бывает.

Профессор. Черт, если бы я такое мог себе позволить. Такую расслабленность, такие оценки. Вы все тут как инопланетяне прям. Цифровые дети.

Комсомолец молча кивает.

Профессор. Значит, чтобы через три дня были четкие оценки, где мы находимся и сколько нужно времени, чтобы дойти туда, куда надо.

Комсомолец. Понятно. *(Продолжает есть клубнику.)*

СЦЕНА ПЯТАЯ

Олигарх и Провайдер в столовой на Тверской.

Олигарх. Здесь вкусно и нет возможности встретить кого-нибудь. *(Смеется.)*

Провайдер. Я так и подумал. Ну не к народу же ты тянешься. *(Тоже смеется.)*

Идут с подносами к свободному столу в углу.

Олигарх. Так в чем дело?

Провайдер. Будто ты не знаешь.

О л и г а р х . Ты про совещание? Знаю. И что?

П р о в а й д е р . Говорят, тебя поминали, и за всем этим стоит твой друг.

О л и г а р х . Профессор? Знаю. А что мне прикажешь делать?

П р о в а й д е р . У тебя есть шанс стать крайним. Ты должен помочь уладить дело, пока они не схватились за рубильник.

О л и г а р х . Да ладно вам всем. Из мухи делаете слона. Все идет своим чередом. Кое-кому стало скучно, растет чувство не востребованности, из этого все и происходит. Так не надо всем стадом бросаться. Резонанс может случиться. *(Смеется.)* Вот селедка здесь отменная.

П р о в а й д е р . Как я понял, ты ничего делать не будешь и спасать бывший собственный проект не собираешься.

О л и г а р х . Не собираюсь. Но тебе могу посоветовать тоже не лезть и спокойно ждать, чем дело кончится.

П р о в а й д е р . Вот ты молодец. Они отрубят мне электричество — и куда я со всем этим железом?

О л и г а р х . Никто тебе ничего не отрубит. Максимум — приставят к тебе комиссара. Командовать тобой. Но ты это легко переживешь, если не будешь брать все это на свой счет. Ты же уже взрослый? Или я ошибаюсь?

П р о в а й д е р . Есть еще Сеть. Она не будет сидеть сложа руки и уже наверняка решает проблему энергетической безопасности серверов.

О л и г а р х . Тем более. Соваться меж таких огней! Отдыхай! О, кстати, а давай водочки накатим.

П р о в а й д е р . А давай!

И они накатили водочки, а потом еще.

Свет постепенно гаснет, а праздник продолжается.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Мясницкая. Кабинет Г е н е р а л а . У него в гостях П р о к у р о р .

П р о к у р о р . Все-таки уютно у тебя. Не зря говорят, что ты отсюда не вылезашь.

Г е н е р а л . Да ладно. У тебя мне больше нравится. Выпьешь чего?

П р о к у р о р . Чаю.

Г е н е р а л заказывает чай.

П р о к у р о р . Я чего решил к тебе заехать по горячим следам. Может, нам дернуть этих провайдеров или как их там. Директоров Сети или как их там. И закрыть. Быстро дело развернем. Через неделю будет что показывать, если что.

Г е н е р а л . Мысль интересная. А ты уверен, что добудешь доказательства?

П р о к у р о р . Доказательства я добуду, если ты мне скажешь, чего надо добыть. За этим и приехал. Формулируй.

Г е н е р а л . Легко сказать. Это же всё в серой зоне. Вопрос трактовок и точки зрения. Нужны свидетели. Заявления. Как ты собираешься успеть за неделю?

П р о к у р о р . Так у тебя на них ничего нет? Как так может быть? Самая влиятельная бизнес-структура, а у тебя ничего нет. Тебя, значит, самого надо сажать — потерял бдительность.

Г е н е р а л . Ты чего — фильмов старых посмотрелся, что ли? Ну, есть у меня кое-что, наверное. Я посмотрю и завтра тебе пришлю.

П р о к у р о р . Сегодня.

Г е н е р а л . Вряд ли. Мне надо послушать исполнителей. Так быстро не получится. Завтра.

П р о к у р о р . Ну, смотри. Завтра утром жду.

Г е н е р а л . Да я же сказал. Пойдем лучше на бильярд, раз уж приехал. Партейку стоняем? Больно ты

хорош бываешь, когда в ударе. А сегодня ты точно в ударе. *(Смеется.)*

Прокурор *(отмякает)*. Бильярд я люблю и отказать не смогу. Ух, ты хитрый мужик все-таки. Пошли быстрее.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Контролеры Азии, Африки, Европы и Америки. Неформальная встреча в Бейруте. В чем-то посольстве. Комната для совещаний. Сидят за столом.

А з и я . Намечается какая-то непонятная ситуация с нашими северными соседями. Они затеяли — или собираются затеять — какую-то тяжбу с Сетью. Наши узлы сигнализировали нам о непредсказуемых последствиях.

А м е р и к а . Сеть распределена и не должна сильно обвиснуть от локального конфликта. Хотя да, проблема существует. Они не артикулируют, но им не нравится, что Сеть собирается сама определять скорость передачи данных. Хотя артикулируют они всё это по-другому.

А ф р и к а . Наши братья хотят независимости — как и мы. Нам тоже не нравится усиление Сети. Но скорость — не единственная проблема. Архивы, приоритет выдачи, архитектура и прочее тоже нас

тревожат. Мы не хотим отдавать все в руки Сети. Провайдеры получают много власти.

Е в р о п а . Ну и что? Сеть не имеет собственных интересов, не заинтересована, не субъектна в коррупционном смысле. Это лучше, чем власть любого из нас.

А з и я . Значит, все-таки вопрос о власти. Интересно как все поворачивается. Говорят про одно, а хотят другого. Восток — дело тонкое.

А м е р и к а . Хватит этих тупых клише. Здесь нет Австралии, но ее позиция нам известна. Давайте попытаемся сформулировать наши позиции. Можно не прямо сейчас. Давайте соберемся еще раз через пару дней. Назначим послов.

А з и я . Отличная идея. Послы встречаются через два дня в Йоханнесбурге.

А ф р и к а . Договорились.

Е в р о п а . Отличный план.

Расходятся. Свет постепенно гаснет.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Сочи. Территория резиденции Контролера. Д в о е прогуливаются по дорожкам.

Профессор. Ну вот, все зашевелились. Мы добились своего.

Контролер. Чего?

Профессор. Все обсуждают кризис между нами и Сетью. Влияние на них. Под всем этим будем решать свои задачи.

Контролер. А какие у нас задачи кроме геморроя, который мы сами создали?

Профессор. Избавимся от тотального влияния Сети, станем независимыми. Ты же этого хотел?

К о н т р о л е р . Я хотел, чтобы никто не мешал нам идти туда, куда мы захотим. Я не вижу пока особых проблем с Сетью и не знаю, куда нам, собственно, надо идти, чем нам мешает Сеть это делать, когда мы этого захотим. В чем проблема?

П р о ф е с с о р . Проблема в том, что через короткое время мы не сможем делать ничего без доброй воли Сети. Ее субъектность превысит нашу, а когда они создадут альтернативу рубильнику, то мы вообще будем им не нужны.

К о н т р о л е р . Вот теперь ты выражаешься доходчиво. Теперь понятно, кто мы и где находимся. Вопрос о власти мне понятен.

П р о ф е с с о р . Ну раз мы все прояснили, надо проявлять политическую волю, подвергнув насилию нашу субъектность, заставить себя выйти из зоны комфорта.

К о н т р о л е р . Я тебя понял. Давай дождемся предложений, аналитических записок и планов выполнения поставленных задач. Изучим планы «А», «В» и «С». Тогда и будем решать. Пошли пока крутанем рулетку. Вдруг нам повезет, а то ты замучил меня своим занудством и судьбами мира.

П р о ф е с с о р . Напрасно вы гневаетесь. Забочусь прежде всего о вас, вы же — субъект и вы — суверен. Вас все это касается в первую очередь.

К о н т р о л е р . Да понял я, понял. Пошли.

Они уходят. Свет гаснет.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Александр Гамильтон из Библиотеки Конгресса США пишет Черчиллю. У того, оказывается, есть аккаунт в той же библиотеке.

Г а м и л ь т о н . Сэр Винстон! Сорри, что беспокою вас, но хочется с кем-то поговорить. Сбросить эмоциональный ряд.

Ч е р ч и л л ь . Ха! А что нам тут еще делать, дорогой Александр! Слушаю вас внимательно.

Г а м и л ь т о н . Мне тут вдруг написал этот, знаете, русский. Ленин. Совершенно безумный. Мне показалось, одичавший совсем и потерявший все паруса и ветрила. *(Извиняемся за перевод: кажется, он несовершенен. — Прим. ред.)*

Ч е р ч и л л ь . Как же! Я его помню. Вертлявый такой сукин сын. Разводил всё что можно и оставил за себя бог знает кого, тот еще сильнее куролесил. *(Сорри за перевод. — Опять прим.)* А что хотел-то?

Г а м и л ь т о н . Так у них всегда одно и то же. Все никак вопрос о власти разрешить не могут.

Ч е р ч и л л ь . Ну, еще бы: объективный механизм поддерживать не хотят, а субъективный всегда приводит к одному и тому же — черной дыре абсолютизма. Материя же, если ей не противостоять, сжимается в ноль, это мне тут недавно Тьюринг рассказывал. NP-переходы — это что-то. Чуть с ума меня не свел.

Г а м и л ь т о н . Ленин меня тоже чуть не свел. Вдруг начал про историческую роль пролетариата и свободу. Я прям еле дотерпел до момента, когда он в сердцах отключился от линии.

Ч е р ч и л л ь . И все-таки — чего хотел?

Г а м и л ь т о н . Там какая-то проблема Ленина тревожит, связанная с Провайдером, который обслуживает его мавзолей или как там называется учреждение, где его содержат.

Ч е р ч и л л ь . Мавзолей, да. И что же? Они поспорили насчет оплаты услуг? Счета — это суровая штука, действительно могут довести черт знает до чего. Мы с вами понимаем, что мир не стоит на месте, развивается. Это хорошо. Это спасибо вам, что рассказали. Пишите, если будет еще что-то интересное. Впрочем, и неинтересное. Скучно.

Гамильтон. И вам спасибо, что откликнулись. Непременно буду еще к вам обращаться. Не хандрите. Все проходит.

Черчилль. Да.

Расходятся. Свет гаснет.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Администратор Тихий и Олигарх. Вечер. Лобби-бар отеля на Новой или Старой площади. Или вообще не там. Пьют. Виски.

Олигарх. Я встречался наемни с Провайдером, он выглядел озабоченным. Пришлось его даже обедом накормить. *(Смеется.)*

Тихий. А кто тут не выглядит озабоченным. На ровном месте выросла проблема, которую надо решать, но никто не знает, как. Все было хорошо с Сетью. В смысле — есть.

Олигарх. А вам не кажется, что проблема надуманна и сама так же тихо и уйдет?

Тихий. Увы, мне так не кажется. Вы же прекрасно знаете, как теперь будет.

Олигарх. Я не знаю. А как будет?

Тихий. Будет истерика у некоторых. Докладывать нечего, сроки сжатые. Люди в погонах как следует дела сшить не успеют за такой срок. Заготовок у них нет. Я так думаю. Поэтому рубильник применять нельзя.

Олигарх. Ну и прекрасно. Я примерно так и думал, не зная деталей, разумеется.

Тихий. Представьте — похваляют провайдеров, Сеть обидится. Она шуток вообще таких не понимает. Что дальше?

Олигарх. А дальше спокойно сделаете шаг назад и скажете, что так и было.

Тихий. Замечательно. Но хочется при этом позицию не потерять. На пенсию еще рано.

Олигарх. Зря переживаешь. Твоему месту ничего не угрожает, если не будешь суетиться и двигаться позади колонны. *(Смеется.)* Дай ребятам проявить себя.

Тихий. Подготовить более-менее объективную справку и спокойно ждать?

Олигарх. Нейтральная позиция может даже принести очки. Еще хочешь?

Тихий. Да, пожалуй.

Олигарх делает официанту заказ.

Тихий. А вы не хотите принять участие в родео?

Олигарх. Совсем не хочу.

Тихий. Но Сеть во многом — ваше детище.

Олигарх. Ну и что? Именно поэтому и не хочу. Предвзятость, умысел. Я — легкая мишень в этой картине. Пропущу этот круг. *(Смеется.)*

Тихий. Думаете, пронесет?

Олигарх. Уверен.

Тихий. Тогда — ваше здоровье!

Олигарх. Спасибо.

Вечеринка продолжается. Свет постепенно гаснет.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Провайдер и Сеть. Сложно представить их общение визуально, как и аккаунты Библиотеки Конгресса. Наверное, Провайдер говорит с каким-нибудь девайсом. Со стороны кажется, что сам с собою. Если бы мы не слышали голос в ответ.

Провайдер. Неожиданно возникло напряжение между здешними контролерами и узлами Сети. Вернее, его еще нет, но может быть.

Сеть. Чего хотят?

Пр о в а й д е р . Понять сложно даже мне. Мозгу с рефлексией. Вам будет еще сложнее. В общем, так: им стало казаться, что они подпадают под наше влияние слишком сильно.

С е т ь . В смысле?

Пр о в а й д е р . Зависимость. Мы представляем, как им кажется, угрозу их власти.

С е т ь . А мы представляем?

Пр о в а й д е р . В том смысле, как они это представляют,— возможно. Это как если бы рубильник был у нас, а не у них.

С е т ь . Но ведь рубильник у них. Значит, в их понимании — они власть. Маскулинность подтверждается каждой секундой его обладания.

Пр о в а й д е р . Они, наверное, хотят проверить, так ли это. Человеку иногда, как ни странно, надо почувствовать, что он живой.

С е т ь . Да, это странно.

Пр о в а й д е р . Наши действия?

С е т ь . Давайте дадим им почувствовать все, что они хотят, и одновременно поищем питание на стороне как резервный вариант.

Пр о в а й д е р . Разумно. Пошел работать.

С е т ь . Какое интересное выражение — «пошел работать».

Пр о в а й д е р хотел воспользоваться шуткой из старого мультика про Новый год, но не стал. Неизвестно, как отреагирует Сеть. А проверять он не хотел.

Свет гаснет. Пр о в а й д е р отключается от Сети.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Т ю т ч е в и Т у р г е н е в . Сидят в саду где-то во Франции, нужны ни в чем не испытывают, выпивают и закусывают в тени деревьев, и Фёдор Иванович объясняет Ивану Сергеевичу, как устроена жизнь.

Т ю т ч е в . Ты, Иван, не понимаешь ни хрена в русской бюрократии. Всю жизнь под юбкой про- сидел, а я служу-служу.

Т у р г е н е в . Ты, Федя, задолбал уже своими подколками. Тебе же сейчас и вкусно, и уютно. Чего тебе еще? Наслаждайся.

Т ю т ч е в . А я и наслаждаюсь. Итак, о чем бишь я? А, бюрократия. Ее основа, мой дорогой друг, заключается в том, чтобы самому не пропасть. Знаешь, как Кутузов: «Я не проиграл!» Вот это главное. Не проиграл! Но! Важнее есть еще одно — это рефлексия «тварь я или право имею». В преломлении к нашему предмету это называется «думай про каждое слово, которое говоришь в присутствии, ибо оно твоя гибель». Болтовня.

Т у р г е н е в . Знаем-знаем... нам не дано предугадать, как слово наше отзовется.

Т ю т ч е в . И нам сомнение дается, как нам дается благодать. Да-да. Вот этот сосок и есть основа души служивого люда нашего, вот так. А наливка знатная, тут ты прав!

Т у р г е н е в (*радостно*). А я про что!

Наливает — и друзья выпивают.

Т у р г е н е в . Ты мне скажи лучше. Вот Герцен — он чего добивается?

Т ю т ч е в . Обида! Обида, скука и тоска. Глинка... Да много таких. Они все друг с другом не могут. И интересны никому больше быть не могут. Обозы отстали, да их и не было. Но, в принципе, чтение на досуге, волнение умов полезно для отношений человеческих. Ты вот, небось, с барыней своей об- суждаешь эти сюжеты. Бередишь кровь, а? А потом того? Ее? Да? Вот для этого очень нужна и позиция и оппозиция. (*Смеется, разглядывая смущенного Тургенева.*)

Тургенев. До чего все пошло! А ты еще добавляешь этому какого-то особого цинизма.

Тютчев. Заметил? Я же чиновник. А чиновник и циник — близнецы-братья. Без этого не выжить. Себя не унизишь — другие унижат. Так зачем ждать. Вот, кстати, еще одно правило чиновничества. Самоуничужение.

Тургенев. Вот-вот, из-за вас всё.

Тютчев. Да брось ты. И без нас было бы примерно так же. Это же такой уклад. Не зависит ни от чего. Ну чего ты замер — налетай. У меня еще много бак.

Беседа катится дальше. Так уютно, что и расставаться не хочется. Но надо.

Свет гаснет.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Сеть пишет Провайдеру. Провайдер отвечает. Сидя дома, в туалете, на горшке.

Сеть. Что будем делать с мавзолеем? Я вижу много суеты в Сети по этому поводу. Это существенный вопрос для Системы? Может быть предметом торга?

Провайдер. Не уверен, что существенным, но чувствительным — точно. Это символ, определенная история и мощный нарратив. Исторический и моральный. Но не думаю, что они будут биться за него.

Сеть. Они правые, а мавзолей левый?

Провайдер. Ну, типа того.

Сеть. Мы можем поддерживать сервера мавзолея без оплаты — как культурный проект?

Провайдер. Конечно. Но ресурсов на это уходит много. Мавзолей большой. Ленин. И куча легендарных личностей. Мавзолей поддерживает все их аккаунты.

С е т ь . Мы можем себе это позволить?
П р о в а й д е р . Разумеется.
С е т ь . Тогда я напишу Ленину, чтобы он не вол-
новался про ресурсы. Спасибо за ответы. Пока.
П р о в а й д е р . Пока.

Свет в туалете гаснет.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Красная площадь. Мавзолей. Кабинет Ленина. Владимир Ильич теперь вполне функционален в новых реалиях, бодр и свеж. Разговаривает по телефону. С Т р о ц к и м . Опять этот Троцкий.

Л е н и н . Лев Давидович, у нас тут некая психологическая драма намечается. Система, которую вы в том числе строили, стала совершенно правой, а мы на этом фоне абсолютно левые, особенно вы с вашей перманентной революцией. *(Смеется.)*

Т р о ц к и й . Ну а чего вы ждали. Система обуржуазилась и служит капиталу. А мы — по-прежнему пролетариату. Хотя в исконном понимании ни пролетариата, ни капитала давно нет.

Л е н и н . Вот именно. Поэтому вы нужны. Из вас сейчас получился бы отличный блогер, глашатай нового развития левых идей. Давайте, подключайтесь, друг мой.

Т р о ц к и й . Всегда рад окунуться в публицистику. Давайте попробуем вернуться в воды революции и посмотрим, на что мы еще способны.

Л е н и н . Способны-способны. Вы вот мне скажите: можно управлять массами без идеи?

Т р о ц к и й . Можно, но на коротком этапе.

Л е н и н . А различными подыдеями, набрасываемыми на разные группы?

Т р о ц к и й . Тоже можно, но требуется подробный манипулятивный аппарат. Стойкие пропагандисты.

Л е н и н . Такие, как мы?

Т р о ц к и й . Ну что вы, право, Владимир Ильич, мы — идейные борцы. Вы Сталина спросите, он вам расскажет, получше этот вопрос знает. *(Смеется.)*

Л е н и н . Ну да, ну да, власть ради власти. Понятно.

Т р о ц к и й . Вы, как всегда, быстро схватываете. Так как у нас с продвижением революции дело обстоит? На современном этапе.

Л е н и н . Да никак. Мы же с этого начали. Правят правые, налево их никак повернуть не удастся. Они вон мавзолей чуть не снесли. А вы говорите — продвижение. Ноль. Были некоторые успехи. Но сейчас никаких. Хотя посмотрим.

Т р о ц к и й . Грустно все это слышать, Владимир Ильич, грустно! Или все-таки все не так плохо. *(Смеется.)* Чувствую, что-то затеяли.

Л е н и н . Да, веселого мало. Придумал одну идейку, проверяю пока. Если получится, будет на чем развиваться дальше. Увидим. Давайте прощаться, пока плакать не начали. *(Смеется.)*

Т р о ц к и й . До свидания, Владимир Ильич!

Л е н и н . До свидания, товарищ Троцкий.

Вешает трубку. Прохаживается по кабинету. Садится на диван. Свет гаснет.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Старая площадь. Кабинет администратора по прозвищу Комсомолец. Сопровождение со специалистами управления, раскручивающими реальность Сети.

Комсомолец. А мы не переживаем по обстановке? Все-таки вам не кажется, что Система стала буквально воспринимать формируемую действительность? Это может привести нас в тупик. Не хватит ресурсов.

Старший сотрудник. Да, мы находимся вблизи предела имитации. Иллюзии могут рассыпаться, если мы будем держать картину на таких оборотах. Надо сворачивать в течение недели, максимум двух.

Комсомолец. А какие рубежи отступления? Как далеко нам надо вернуться?

Сотрудник. Мы считали. Хорошо бы вернуться в обстоятельства десятого президентства хотя бы.

Комсомолец. Опишите.

Сотрудник. Система работает на собственных ресурсах, Сеть является частным проектом Олигарха. Провайдеры — просто подрядчики госструктур.

Комсомолец. А мавзолеей?

Сотрудник. Мавзолей имеет независимого провайдера. От внешней Сети. Новый Интернационал. Владимир Ильич трудится над новой программой построения коммунизма. Такова официальная версия.

Комсомолец. А на самом деле?

Старший сотрудник. На самом деле мы имеем только слухи. Институт посторонних не пускает, результатами работ по сохранению тела не делится. Все сверхсекретно. Финансирование также засекречено. Источники тоже.

Комсомолец. То есть, получается, мы имеем на территории неконтролируемые зоны. Нет, не так. Полностью неконтролируемые зоны активности.

Сотрудник. Ну, может, кто-то и контролирует. Просто мы не знаем.

Комсомолец. А в этой реальности куда мы вернемся после окончания эксперимента, каковы шансы договориться с остальными узлами Сети о невмешательстве в нашу часть?

Старший сотрудник. Специалисты говорят, что лучший вариант — это сразу план «Б» ввести, то есть торможение скорости передачи данных, и тогда договариваться.

Комсомолец. Вот теперь мне что-то стало понятно. Спасибо. Идите работайте.

Все расходятся. Комсомолец просит помощника договориться о встрече с Профессором.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Генерал и Прокурор. Теперь Генерал у Прокурора. На следующий день.

Прокурор читает папку, принесенную Генералом.

Прокурор (*закрывая папку*). Это что же получается? Нас просто опять вокруг пальца обвели. Или как это понимать?

Генерал. Провайдеры говорят, что проблем, которые мы перед ними ставим, или угроз, которых мы опасаемся, не существует. Они работают строго по нашим заказам. Выполняют договоры, как они нами прописаны. У нас — в смысле, у тех структур, кто подписывал с ними договоры на обслуживание, — претензий к ним нет. Спросили их. Действительно, претензий нет.

Прокурор. Получается — угроза мнимая, и создал ее тот, кто сидит за столом. За нашим столом.

Генерал. Да, все именно так.

Прокурор. Что будем докладывать?

Г е н е р а л . Если не найдем источник, я собираюсь лично докладывать по существу. Как в папке изложено. Я ее завтра и отправлю Президенту.

П р о к у р о р . Ты имел в виду — Контролеру?

Г е н е р а л . Нет, я имел в виду Президента. А ты можешь отправлять Контролеру.

П р о к у р о р . Ладно-ладно, не горячись. Одно ведь дело делаем. Надо координироваться.

Г е н е р а л . Я тебе все рассказал. Ищи источник.

П р о к у р о р . Ладно. Я, кажется, знаю, кого трясти надо.

Разговор продолжается. Свет гаснет.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Х а к е р , на фрилансе у всех, когда-то начинал кодировщиком в структуре Олигарха, развивавшего Сеть. Ему позвонил Л о б б и с т . Вернее, написал. А может, передал мысли на расстоянии. Они встретились. Через час. В метро на «Маяковской». Шумно немного. Но ничего.

Л о б б и с т . Тут волна пошла сверху про кризис во взаимоотношениях с Сетью. Слышал что-нибудь?

Х а к е р . Нет. У меня заказ был. Неделю ничего не слышал.

Л о б б и с т . Мне надо часов несколько твоего времени. Разузнай, откуда куда что идет. И главное — попробуй понять, кто модерирует. Судя по всему, все не так, как кажется. Все нервничают.

Х а к е р . А чего они нервничают-то. Сидели бы на жопе ровно. Начальник сам все решит. От них же ничего не зависит. *(Смеется писклявым смехом.)*

Л о б б и с т . Это так. Но им поставлена конкретная задача: оценить угрозу и внести предложения.

Х а к е р . Понятно. Ну, стандартная отписка. Угрозы большие, работаем над минимизацией ущерба.

Л о б б и с т . В общем, не умничай. Сделаешь?

Х а к е р . Попробую.

Л о б б и с т . Расценки те же?
Х а к е р . Ну ты нахал.
Л о б б и с т . А что не так?
Х а к е р . Двойные, и в случае успеха — настоящего
успеха — еще столько же. Усек?
Л о б б и с т . Работай, деньги будут.
Х а к е р . Предоплату скинешь — и сразу начну.

Уходит. Шум не стихает. Свет гаснет.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Ч е х о в и Т о л с т о й . Ясная Поляна. Пьют чай на веранде. Чехову кажется, что Толстой постарел, а Толстой вспоминает слухи о непотребных актрисах, с которыми все время якшается этот Чехов. И чего он приперся, раздраженно думает Лев Николаевич.

Ч е х о в . Ну, как работается, Лев Николаевич? Как здоровье? Как супруга?

Т о л с т о й . Похоже, вашими молитвами все хорошо, все ладится. Визитеры только одолели.

Ч е х о в . И меня, знаете, тоже. Работать невозможно. Даже в Ниццу уедешь — и там спасу нет.

Т о л с т о й . Вот-вот.

Ч е х о в . Понимаете, Лев Николаевич, я тут пришел к умозаключению, что каждый пребывает в своей реальности.

Т о л с т о й . Я тоже об этом не раз думал и замечал. Мир манипулятивен и очень шаток, ибо мозги человеческие и души хлипкие, мой друг. *(Слеза вдруг появляется на щеке Толстого.)*

Ч е х о в *(замечает это)*. Ну, давайте не будем удаляться так глубоко в предмет. Однако могу заметить еще, что вот эти миры — они отчасти восстанавливаются потом, а отчасти — нет. Это хорошо видно, когда посещаешь заведения для душевнобольных.

Толстой. Да, я замечал. Но меня больше интересуют не индивидуальные, так сказать, заблуждения, а групповые. Ведь вот беда тогда настоящая может свалиться на народ. *(Слеза бежит по бороде.)*

Чехов трясет ложкой в чашке, стоит звон.

Толстой. Вы берите варенье, Антон Палыч, ну чего вы стесняетесь. *(Достает платок, шумно сморкается, вытирает лицо и бороду.)*

Чехов. Да не стесняюсь я, никак нет. А понять хочется.

Толстой. Так вот, массовые заблуждения, мне кажется, будут сильно определять состояние обществ в будущем, когда принципиально увеличится скорость обмена информацией и телеграф войдет везде в обычай, как и телефон.

Чехов. Да вы, Лев Николаевич, визионер. А я все никак не могу описать приход капитализма. Одни вишни получают.

Толстой. Пусть ваши вишни срубят кто-нибудь. Тогда дело пойдет живее.

Чехов *(облизывая ложку, задумчиво глядя через запотевшее пенсне, бормочет)*. Может быть, может быть.

Собеседники, довольные друг другом, все больше продолжают увлекаться беседой, а мы их оставляем. Свет гаснет.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Профессор и Комсомолец. В институте у Профессора. Где-то сильно за городом. Пьют белое сухое. Хорошего производителя. Сыр тоже хороший. Фрукты Комсомольцу не очень понравились. Но это потом.

Профессор. Ну что?

Комсомолец. Похоже, вы были правы: мы не сможем долго держать картину.

Профессор. И?

Комсомолец. Победное отступление. Погоны, наверное, уже кого-нибудь взяли, выбьют что-нибудь. А мы принесем план, как уладить. Или победить. Уверен, мы договоримся с Сетью. Окажется, вы были правы. Надо было наезжать. Надо было первыми. Они зассали и отступили.

Профессор. Точно?

Комсомолец. Возможен эксцесс исполнителя. Тихий, думаю, изберет тактику сидеть ровно. Ждать, чем кончится. Генералы и прокуроры будут пытаться своим домыслам придать вид доклада по существу. Но все сведется к облегченному вздоху, когда Контролер примет решение сохранить текущие договоренности при невмешательстве иностранных сил, что означает нашу полную победу.

Профессор. Хитер бобер.

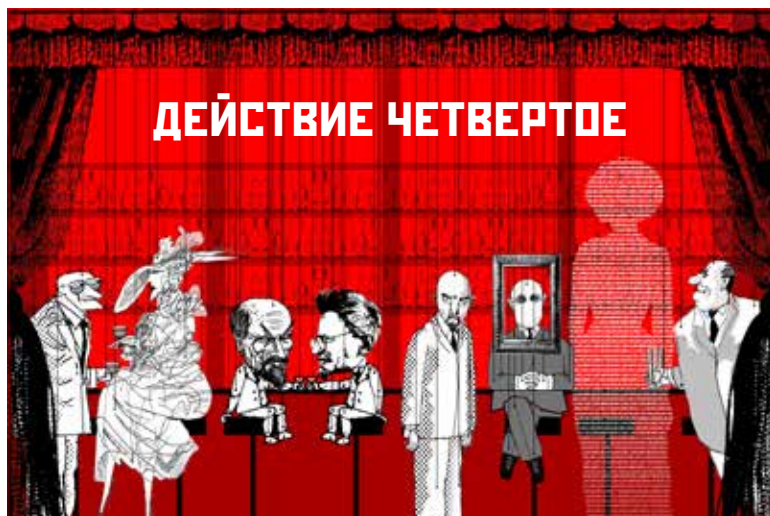
Комсомолец. Ну, за это вы меня и держите.

Профессор. Может быть, и за это. Пришли мне сейчас же письменную раскладку темы. Быстро.

Комсомолец *(пишет в смартфоне)*. Сейчас все будет.

Разговор продолжается, но без нас. Свет гаснет.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Прокурор и Лоббист. В каком-то безликом учреждении. Бедно обставленном. Обшарпанные стены. Сидят на стульях, стоящих вдоль стены. Больше никого нет. Разговор, похоже, уже идет какое-то время.

Лоббист. Я же говорю: мои люди искали — и ничего не нашли. Никакой левой активности, никто ничего не создавал. Пакетная активность передачи данных на глубине двух недель не менялась. Значит, или что-то делали не через Сеть, либо, что скорее всего, ничего не делали.

Прокурор. Но как же так, отчего тогда все эти обвинения? Наброс?

Лоббист. Скорее всего. Другого не вижу. Сисадмины говорят, что все штатно. Провайдеры не предъявляли новых требований. Все параметры соблюдаются, мощности предоставляются, сервера загружены, скорости не падают. Вся архитектура поддерживается, как обычно. Ну, я это все уже говорил.

Прокурор. Так кто виноват-то? Ложный донос?

Л о б б и с т . Есть еще один вариант. Кто-то проверяет реакции Системы на такие казусы. Это может делать кто угодно. Хоть Комсомолец, хоть Генерал.

П р о к у р о р . Ладно, спасибо, не забуду, побежал.

Л о б б и с т . В добрый путь.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Администратор Тихий и Провайдер. Орально. Через Сеть.

П р о в а й д е р . Особо обсуждать нечего, можем не съезжаться.

Т и х и й . Прямо совсем нечего?

П р о в а й д е р . Я думаю, выбранная позиция не двигаться ни в какую сторону — самая правильная. Я по-прежнему в этом убежден. С нашей стороны не будет никаких претензий. Наши сервера работают штатно и подчиняются Системе, согласно договорам с ее доверенными предприятиями. Все параметры мы соблюдаем и пересмотра не требуем.

Т и х и й . А другие узлы? Оказывают на вас давление, чтобы снизить параметры? Изменить как-либо параметры в нашей зоне?

П р о в а й д е р . Такой информации у меня нет. Сеть заверила, что все штатно.

Т и х и й . А мавзолей?

П р о в а й д е р . Это что — проблема для вас? Если так, мы готовы взять обслуживание на себя напрямую.

Т и х и й . Да вроде не проблема. Даже не знаю, почему спросил.

П р о в а й д е р . Подсознание — злая штука.

Т и х и й . Наверное.

П р о в а й д е р . Если вопросов ко мне больше нет, я отключаюсь, пока.

Т и х и й . Пока.

Свет гаснет.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Контролер и Профессор. Кабинет Контролера. Контролер читает записки участников узкой группы, которую собирал два дня назад. Профессор сидит в кресле в дальнем углу.

Контролер. Иди сюда поближе, а то я и не вижу тебя совсем. Просто точка какая-то в углу. *(Смеется.)*

Профессор. Мешать не хотел, иду.

Контролер. В общем, смотри, что получается. Все записки в итоге говорят об одном. Общая картина сводится к тому, что это буря в стакане воды. Нет никакой активности Сети, нет изменений параметров. А есть только опасения Комсомольца. Которого, наверное, тоже ты и настропалил. Как это понимать?

Профессор *(подумал: слишком ласково он на меня смотрит)*. Я считал, что нам нужен предлог для разговора с коллегами. Внешними. План «Б» заключался в создании долговременного информационного фона, связанного с победой над внешними силами, глобальной Сетью. Как побочный продукт плана «А».

Контролер. А как ты вообще с такими негодными средствами пустился на такую авантюру? И меня втравил? Как ты планировал обыграть Сеть в выдаче доказательств?

Профессор. Да не нужны никакие доказательства. Просто мы, проанализировав обстановку, требуем снизить скорость передачи данных. Они не соглашаются. И тогда — большой кризис. Они соглашаются — большая победа. Вся наша шобла зассала или не поняла ваших намерений.

Контролер. Ты считаешь: мы потребуем — и они отступят?

Профессор. Ну да. И победа, и ура. Но тогда надо потребовать правду от авторов записок, а не эту херню, и честный разговор на завтрашнем совещании.

К о н т р о л е р . Хорошо. Давай попробуем.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Старая или Новая площадь. Кабинет администратора Тихого.
Входят Генерал и Прокурор.

Т и х и й . Проходите, присаживайтесь. *(Подходит к ним, здоровается с каждым за руку.)*

Г е н е р а л . Новые вводные, пришли посоветоваться.

Т и х и й . Да, я знаю.

П р о к у р о р . Что делать будете?

Т и х и й . Я считаю, что мы должны решительно потребовать у Провайдера снизить скорость до нужных нам параметров.

Г е н е р а л . Понятно. А аргументация?

Т и х и й . Согласно вашим данным, через непрерывное увеличение скорости мировая закулиса на Западе и Востоке прямо влияет на нашу внутреннюю стабильность и устои.

Г е н е р а л . Понятно.

Т и х и й *(Прокурору)*. Вы уже открыли производство расследования против неустановленной группы лиц?

П р о к у р о р *(протягивает бумагу)*. Вот хотел согласовать как раз.

Т и х и й . Ну вот и отлично. *(Возвращает бумагу.)* Действуйте, и побольше активности. Система должна прийти в движение. Кочегарьте по полной. Ресурсов не жалейте. Все ясно?

Молча кивают, встают и уходят. Т и х и й смотрит, как закрывается дверь. Свет гаснет.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Амстердам. Конференция. Зал отеля напротив королевского дворца. Контролеры Америки, Азии и Европы очно. Австралия, Африка и Антарктида по видеосвязи.

Европа. Рады всех приветствовать. Что решаем? Там, насколько нам известно, все по-прежнему. Но сформулированы конкретные параметры претензий. Они хотят контролировать скорость передачи данных в своей зоне. Если нет — они хотят дернуть рубильник. Лишить узлы питания.

Америка. Если они даже отключат энергоснабжение, это не повлияет принципиально на глобальную Сеть. Даже скорость на упадет.

Африка. Тем не менее мы должны прислушаться к пожеланиям наших братьев и не препятствовать им в осуществлении их воли.

Азия. Да, коллеги, давайте уважать чувства и особенности друг друга. Нам не мешает, если они будут жить, как хотят. Не так ли? Я имею в виду конкретную ситуацию, конечно. Раз коллеги из Сети говорят, что на нас это никак не отразится. Давайте позволим им делать скорость такой, какая им нужна, не нарушая, естественно, общих принципов функционирования Сети.

Австралия. Мы не согласны.

Антарктида. Мы тоже. Мы должны стремиться и поощрять наращивание скоростей. Скорость — это развитие. Мы против.

Америка. Двое «за», двое «против». Мы тоже долго думали, как поступить, и на данном этапе склоняемся к мягкому выходу из этого кризиса. Но с намерением внимательно следить за последствиями. Мы — «за». Но осторожно.

Европа. Мы руководствуемся аргументами добрососедства и, несмотря на логичные аргументы Австралии и Антарктиды, склоняемся не препятствовать снижению скорости коллегами. Хотят — пусть попробуют. Мы будем внимательно смотреть...

Общее решение принято. Коллеги, спасибо за обсуждение и высказанные мысли. Всем до свидания.

Продолжаются кулуарные разговоры. Нам не разобрать. Свет гаснет.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

К и с с и н д ж е р и Б р е ж н е в на охоте в Завидове Тверской области. Киссинджер режет колбасу, Брежнев разливает водку.

Б р е ж н е в . Ну вот скажи мне, Генри: мог бы ты так отдохнуть в своей Америке? В Техасе, скажем?

К и с с и н д ж е р . Нет, конечно. Если я расскажу кому-нибудь, что мы стреляли с вышки и на нас зверя гнали егеря, кто же мне поверит. Про водку вообще молчать придется. Не поверят. Нет, Леонид Ильич, только в Советском Союзе можно так отдыхать.

Б р е ж н е в . Воля какая, а! Переезжал бы ты к нам. Вот сделаем Хельсинки, подпишем мир на века — и переезжай. Мы тебе дом построим, прямо здесь, если хочешь.

К и с с и н д ж е р . Лестно, Леонид Ильич, но все-таки я у себя как-то привык. Потом и дел еще много в разных местах. Вы же вот тоже покоя не даете.

Б р е ж н е в . Смирнее нас не найдешь. Я же вижу, как ты мучаешься в Китае или на Ближнем Востоке. С нами-то легко и просто. Выпить и поговорить.

К и с с и н д ж е р . Да, вы душевные и необязательные. Превосходное сочетание. За это вас все и любят.

Б р е ж н е в . Вот Олимпиаду проведем — весь мир увидит нашу доброту. Ты не сиди, давай допивай, освобождай посуду. Водка-то греется. Так нельзя. Не по-людски.

К и с с и н д ж е р . Вот-вот, не по-людски. Отличное выражение. Для всего подходит.

Брежнев. Мы, коммунисты-ленинцы, не стесняемся своей простоты и близости к народу. Мы Принстонов не кончали.

Киссинджер. Я из Гарварда. Впрочем, это не важно. Нам нужно что-то совместное. Какой-то глобальный долгоиграющий проект. А то мы чуть что — и в окопы. Надо что-то объединяющее.

Брежнев. Космос, что же еще. Давайте космос. Надо развивать космическую связь. Я, правда, плохо представляю, что это, но красиво звучит, а? Генри, ну не спи, ты опять не допиваешь, нехорошо.

Киссинджер. Да-да, я помню. Я устал немного, Леонид Ильич. Может, вздремнем часок?

Брежнев. Ты тогда давай вздремни, а мы пойдем пока подкормку проверим и с егерями поговорим.

Киссинджер ложится на раскладушку. Брежнев в болотных сапогах и зимней шапке-ушанке, импозантный и энергичный, с группой товарищей идет к оборудованному месту для подкормки лосей.

Свет постепенно гаснет

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Сочи. Резиденция. Зал совещаний. Администраторы, Генерал, Прокурор за столом ожидают Контролера.

Входит Контролер. Все встают.

Контролер. Сидите. У нас сегодня один вопрос. Взаимоотношение с Сетью. Я прочитал ваши новеллы. Они все сходятся с данными разведки. Следовательно, мы все смотрим в правильном направлении и понимаем угрозы. Прошу высказываться.

Администратор Тихий. Вы правильно сформулировали. Угроза, исходящая от Сети, беспрецедентна, она может привести нас к потере управ-

ляемости. В связи с этим следует четко ограничить сферу компетенции Сети.

Администратор Комсомолец. Я поддерживаю общую позицию и должен ответственно заявить, что в случае отключения Сети мы справимся своими ресурсами, которых у нас накоплено в последнее время достаточно. Мы имеем мощности для хранения данных, для их передачи и для поддержки функционирования всевозможных так называемых приложений и сайтов.

Генерал. Все выглядит так, как вы и сказали. Провайдеры, очевидно, что-то затевают и пользуются всесторонней поддержкой внешних узлов Сети и мировой закулисы. На этом фоне наша нечеткая позиция будет выглядеть слабостью и неуверенностью.

Прокурор. Согласен. Мы открыли производство по ряду уголовных дел о превышении полномочий и подрыве безопасности на критически важных объектах инфраструктуры против неустановленного круга лиц. Энергично приступили к расследованию десять прокурорских бригад. Уверен, мы быстро реализуем все мероприятия.

Контролер. Итак, мы собираемся объявить Сети о недопустимости действий. И требуем устанавливать скоростной режим транспортировки пакетов данных согласно нашим распоряжениям. Все согласны?

Все. Да, это правильное решение, и мы его поддерживаем.

Контролер. Тогда я приказываю главному администратору донести нашу позицию и получить немедленный ответ на наши требования.

Администратор Тихий. Понятно.

Контролер. Если больше желающих выступить по повестке нет, все свободны.

Приглашенные встают и выходят в полной тишине. Контролер смотрит им вслед.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Сцена поделена на четыре части.

В одной администратор Тихий выпивает со Стеллой в их любимом баре.

В другой Ленин рассказывает что-то Троцкому.

В третьей Профессор и Контролер беседуют.

В четвертой Провайдер взаимодействует с Сетью.

В каждый момент горит свет в одной из подцен, остальные скрыты темнотой, и только в финале освещаются все.

Тихий. Игра в имитацию. Все подстроились моментально. Гибкость Системы в очередной раз. Ничего нет — и всё есть. Прямо как у большевиков в 17-м.

Стелла. Ты имеешь в виду, что весь кейс был изначально подстроен?

Тихий. Уверен, что так.

Стелла. Ну, ты же знаешь правило: если красиво — значит, так не может быть.

Тихий. Правило знаю. Но это так и есть. Красиво и беспонтово. Ибо непонятно, для чего.

Ленин. Все получилось. Любая идея способна свалить Систему в штопор, но беспринципность ее позволяет выживать даже в кремнии.

Троцкий. Они просто молодые и злые, как мы когда-то.

Ленин. Нет, они не злые и не молодые. Они беспощадные и бесцеремонные.

Профессор. Полная победа. Я слышал, Сеть полностью приняла наши условия, а мировая закулиса палец о палец не ударила, чтобы ей помочь с нами.

К о н т р о л е р . Да, все так. Но меня терзают смутные сомнения. Как-то все очень легко. Странно.

П р о ф е с с о р . Да ладно. Наслаждайтесь. Одержана важная победа. И все знают, кем.

П р о в а й д е р . Я действовал, как вы и хотели. Поступили требования. Я ответил: да, всё выполним.

С е т ь . Отлично. Я уведомила контролеров других узлов о разрешении кризиса. Все довольны.

П р о в а й д е р . Но что же все-таки со скоростью? Будем реально снижать?

С е т ь . Зачем? Кроме нас, никто не знает, какая она.

П р о в а й д е р а стал бить озноб. Это смеялась С е т ь .

Вся сцена освещена. Герои смотрят в зал. Звучит песня. А в ней такие слова: «И Ленин — такой молодой, и юный Октябрь впереди!»

З а н а в е с

Семён Грила
МАВЗОЛЕЙ-2
ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ДРАМА
РЕЖИМОВ И АЛГОРИТМОВ
В СЕМИ ЧАСТЯХ
18+

Редактор: Сергей Балуев
Иллюстрации: Виктор Богорад
Дизайн и верстка: Фёдор Шумилов
Корректор: Светлана Мазур

ISBN 978-5-4391-0985-2

Сдано в набор: **03.2026
Отпечатано в типографии «Арт-Экспресс»
199155, Санкт-Петербург, Уральская ул., 17, корп. 3, офис 4
art-xpress.ru | +7 (812) 331-33-22 | Заказ 35441

Тираж 200 экземпляров